Джон Стейнбек

О мышах и людях
Джон Стейнбек

Аннотация
Джон Стейнбек. •. О МЫШАХ И ЛЮДЯХ. Повесть

Аннотация

В повести «О мышах и людях» Стейнбек изобразил попытку отдельного человека осуществить свою мечту. Крестный путь двух бродяг, колесящих по охваченному Великой депрессией американскому Югу и нашедших пристанище на богатой ферме, где их появлению суждено стать толчком для жестокой истории любви, убийства и страшной, безжалостной мести…

Читательский успех повести превзошел все ожидания. Крушение мечты Джорджа и Ленни о собственной небольшой ферме отозвалось в сердцах сотен тысяч простых людей и вызвало к жизни десятки критических статей.

Собрание сочинений в шести томах. Том 2. Издательство «Правда». 1989.

Перевод с английского Виктора Хинкиса.

Джон Стейнбек
•
О МЫШАХ И ЛЮДЯХ
Повесть

В нескольких милях к югу от Соледада река Салинас подступает вплотную к горам. Вода здесь глубокая, зеленая и теплая, потому что река эта долго текла по желтым пескам, поблескивая на солнце, прежде чем образовать небольшую заводь. На одном берегу золотистые предгорья круто поднимаются к могучему скалистому хребту Габилан, а на другом, равнинном, берегу растут деревья — ивы, которые покрываются каждую весну молодой зеленью и сохраняют на нижних листьях следы зимнего разлива, и сикоморы с пятнистыми, беловатыми кривыми сучьями и ветвями, которые склоняются над заводью. Земля под деревьями устлана толстым ковром листьев, таких хрустких, что даже ящерица пробежит — и то слышно. По вечерам из кустов вылезают зайцы и сидят на песке, а ночью по сырому и ровному берегу снуют еноты, да на песке остаются следы широких лап собак с окрестных ранчо и острых

раздвоенных копыт оленей, которые приходят в темноте на водопой.

Меж ив и сикоморов вьется тропа, протоптанная местными мальчишками, прибегающими купаться в глубокой заводи, и бродягами, которые по вечерам, свернув с шоссе, плетутся сюда переночевать у воды. Под низким прямым суком огромного сикомора скопилась куча золы от костров, а сам сук гладко отшлифован многим множеством людей, сидевших на нем.

* * *

К вечеру, после жаркого дня, поднялся ветерок и тихо шелестел в листве. Вверх по склонам гор поползли тени. Кролики сидели на песке неподвижно, словно серые изваяния. А потом со стороны шоссе раздались шаги — кто-то шел по хрустким палым листьям сикоморов. Зайцы бесшумно попрятались. Горделивая цапля тяжело поднялась в воздух и полетела над водой к низовьям. На миг все замерло, а потом по тропе на поляну с заводи вышли двое мужчин, один — позади другого, и здесь, на поляне, он тоже держался позади. Оба были в холщовых штанах и таких же куртках с медными пуговицами. На обоих — черные измятые шляпы, а через плечо

перекинуты туго свернутые одеяла. Первый — маленький, живой, смуглолицый, с беспокойными глазами и строгим решительным лицом. Все в нем было выразительно: маленькие сильные руки, узкие плечи, тонкий прямой нос. А второй, шедший позади, — большой, рослый, с плоским лицом и пустыми глазами; шагал он косолапо, как медведь, тяжело волоча ноги. Руками на ходу не размахивал, они висели вдоль тела.

Первый так резко остановился на поляне, что второй чуть не наскочил на него. Первый снял шляпу, указательным пальцем вытер кожаную ленту внутри и стряхнул капельки пота. Его дюжий спутник сбросил свернутые одеяла, опустился на землю, припал к зеленоватой воде и стал пить; он пил большими глотками, фыркая в воду, как лошадь. Маленький забеспокоился и подошел к нему сзади.

— Ленни! — сказал он. — Ленни, бога ради, не пей столько.

Ленни продолжал фыркать. Маленький нагнулся и тряхнул его за плечо.

— Ленни, тебе же опять будет плохо, как вчера вечером.

Ленни окунул голову в реку, уселся на берегу, и струйки воды, стекая со шляпы на голубую

куртку, бежали у него по спине.

— Эх, славно, — сказал он. — Попей и ты, Джордж. Вволю попей.

И он блаженно улыбнулся.

Джордж снял одеяла с плеча и осторожно положил их на землю.

— Вода небось грязная, — сказал он. — Больно много пены.

Ленни шлепнул по воде огромной ручищей и пошевелил пальцами, так что вода пошла мелкой рябью; круги, расширяясь, побежали по заводи к другому берегу и снова назад. Ленни смотрел на них не отрываясь.

— Гляди, Джордж. Гляди, как я умею!

Джордж встал на колени и быстро напился, черпая воду горстями.

— На вкус вроде бы ничего, — сказал он. — Только, кажись, непроточная. Всегда пей только проточную воду, Ленни, — сказал он со вздохом. — А ведь ты, ежели пить захочешь, хоть из вонючей канавы напьешься.

Плеснул пригоршню воды в лицо, вытер рукой лоб и шею. Потом снова надел шляпу, отошел от воды и сел, обхватив колени руками. Ленни, не сводивший с него глаз, в точности последовал его примеру. Он отошел от воды, обхватил

руками колени и поглядел на Джорджа, желая убедиться, что все сделал правильно. После этого он поправил шляпу, слегка надвинув ее на лоб, как у Джорджа.

Джордж, насупившись, глядел на реку. От яркого солнца у него покраснели глаза. Он сказал сердито:

— Могли бы доехать до самого ранчо, если б этот сукин сын, шофер автобуса, не сбил нас с толку. Это, говорит, в двух шагах по шоссе, всего в двух шагах. Куда там к черту, ведь получилось добрых четыре мили, не меньше! Просто ему неохота было останавливаться у ранчо, вот и все. Лень ему, видите ли, притормозить. Небось ему и в Соледаде остановиться неохота. Высадил нас и говорит: «Тут в двух шагах по шоссе». Наверняка мы прошли даже больше четырех миль. Да еще по такой адской жарище!

Ленни робко посмотрел на него.

— Слышь, Джордж?

— Чего тебе?

— А куда мы идем?

Джордж рывком надвинул шляпу еще ниже на лоб и злобно уставился на Ленни.

— Стало быть, уже все позабыл? Стало быть, начинай все сначала втолковывать? Господи

боже, что за дубина!

— Я позабыл, — тихо сказал Ленни. — Но я старался не позабыть. Ей-богу, старался, Джордж.

— Ну ладно, ладно. Слушай. Ничего не поделаешь. Тебе хоть всю жизнь толкуй, ты все одно позабудешь.

— Я старался, очень старался, — сказал Ленни, — да ничего не вышло. Зато я про кроликов помню, Джордж.

— Какие, к черту, кролики! Ты только про кроликов и помнишь. Так вот. Слушай и на этот раз запомни крепко, чтоб нам не попасть в беду. Помнишь, как мы сидели в этой дыре на Говард-стрит и глядели на черную доску?

Лицо Ленни расплылось в радостной улыбке.

— Конечно, Джордж. Помню… Но… что мы тогда сделали? Я помню, мимо шли какие-то девушки, и ты сказал… сказал…

— Плевать, что я там такое сказал. Помнишь, как мы пришли в контору Марри и Реди и нам дали расчетные книжки и билеты на автобус?

— Конечно, Джордж. Теперь помню. — Он быстро сунул обе руки в карманы. Потом сказал тихо: — Джордж, у меня нет книжки. Я, наверно, ее потерял.

Он в отчаянье потупился.

— У тебя ее и не было, болван. Обе у меня. Так я и отдам тебе твою книжку, жди.

Ленни вздохнул с облегчением и улыбнулся.

— А я... я думал, она здесь.

И снова полез в карман.

Джордж подозрительно взглянул на него.

— Что это у тебя в кармане?

— В кармане — ничего, — схитрил Ленни.

— Знаю, что в кармане ничего. Теперь это у тебя в руке.

— Ничего, Джордж, честное слово.

— А ну, давай сюда.

Ленни спрятал сжатый кулак.

— Это просто мышь, Джордж.

— Мышь? Живая?

— Ну да, мышь. Дохлая мышь, Джордж. Но я ее не убивал. Честное слово! Я ее нашел. Так и нашел дохлую.

— Дай сюда! — приказал Джордж.

— Пожалуйста, Джордж, не отбирай.

— Дай сюда!

Ленни неохотно разжал кулак. Джордж взял мышь и швырнул ее далеко через заводь, на другой берег, в кусты.

— И на что тебе сдалась дохлая мышь?

— Я гладил ее пальцем, когда мы шли, — отве-

тил Ленни.

— Не смей этого делать, когда ходишь со мной. Так ты запомнил, куда мы идем?

Ленни в растерянности уткнулся лицом в колени.

— Я опять позабыл.

— Вот наказание, — сказал Джордж со смирением. — Слушай же. Мы будем работать на ранчо, как там, на севере.

— На севере?

— В Уиде.

— Ах да. Помню. В Уиде.

— Ранчо вон там, четверть мили отсюда. Мы придем туда и спросим хозяина. Слушай внимательно: я отдам ему наши расчетные книжки, а ты помалкивай. Стой себе и молчи. Ежели он узнает, какой ты полоумный дурак, мы останемся без работы, а ежели сперва увидит, как ты работаешь, наше дело в шляпе. Понял?

— Конечно, Джордж. Конечно, понял.

— Ладно. Так вот, стало быть, когда придем к хозяину, что ты должен делать?

— Я… я… — Ленни задумался. Лицо его стало напряженным. — Я… должен молчать. Стоять и молчать.

— Молодец. Очень хорошо. Повтори два, три

раза, чтобы получше запомнить.

— Я должен молчать... Я должен молчать... Я должен молчать...

— Ладно, — сказал Джордж. — Да гляди не натвори чего-нибудь, как в Уиде.

На лице Ленни появилось недоумение.

— А что я натворил в Уиде?

— Так ты и это забыл? Ну уж нет, не буду напоминать, а то, чего доброго, опять такую же штуку выкинешь.

Лицо Ленни вдруг стало осмысленным.

— Нас выгнали из Уида! — выпалил он с торжеством.

— Выгнали, как бы не так! — возмутился Джордж. — Мы сбежали сами. Нас разыскивали, но — ищи ветра в поле.

Ленни радостно хихикнул.

— Вот видишь, я не позабыл.

Джордж лег навзничь на песок и закинул руку за голову. Ленни тоже лег, подражая ему, потом приподнялся, желая убедиться, что все сделал правильно.

— О господи! От тебя, Ленни, одни сплошные неприятности, — сказал Джордж. — Я бы горя не знал, ежели б ты не висел у меня на шее. Как бы мне хорошо жилось. И, может, у меня была бы

девчонка.

Мгновение Ленни лежал молча, потом сказал робко:

— Мы будем работать на ранчо, Джордж.

— Ладно. Это ты запомнил. А вот ночевать нынче будем здесь, у меня на это свои причины.

Быстро смеркалось. Долина утонула в тени, и лишь вершины гор были освещены солнцем. По заводи скользнула водяная змейка, выставив голову, словно крошечный перископ. Камыш колыхался, волнуемый течением. Где-то далеко, близ шоссе, послышался мужской голос и ему откликнулся другой. Чуть шелохнулись и сразу замерли ветки сикоморов.

— Джордж, а отчего бы нам не пойти на ранчо сейчас, к ужину? На ранчо ведь дают ужин.

Джордж повернулся на бок.

— Не твоего ума дело. Мне здесь нравится. А работать начнем завтра. Я видел, как туда везли молотилки. Стало быть, придется ссыпать зерно в мешки, надрываться. А нынче я хочу лежать здесь и глядеть в небо. Хочу, и все тут.

Ленни привстал и поглядел на Джорджа.

— Так у нас не будет ужина?

— Нет, будет, ежели ты насобираешь хворосту. У меня есть три банки фасоли. Разложи костер.

Когда соберешь хворост, я дам тебе спичку. Подогреем фасоль и поужинаем.

— Но я люблю фасоль с кетчупом, — сказал Ленни.

— Нет у нас кетчупа. Собирай хворост. Да пошевеливайся, а то скоро совсем стемнеет.

Ленни неуклюже встал и исчез в кустах. Джордж лежал, тихонько посвистывая. В той стороне, куда ушел Ленни, послышался плеск. Джордж перестал свистеть и прислушался.

— Дурак полоумный, — сказал он тихо и снова засвистал.

Вскоре вернулся Ленни. Он вышел из кустов, неся в руке одну-единственную ивовую ветку. Джордж сел.

— Ну-ка, — сказал он сурово. — Давай сюда мышь!

Но Ленни довольно убедительно изобразил на лице недоумение.

— Какую мышь, Джордж? У меня нету никакой мыши.

Джордж протянул руку.

— Давай сюда. Меня ведь не проведешь.

Ленни попятился и бросил отчаянный взгляд на кусты, словно думал убежать. Джордж сказал сурово:

— Дай мне эту мышь, или я тебя сейчас вздую.

— Что тебе дать, Джордж?

— Сам отлично знаешь, черт тебя возьми. Дай мне мышь.

Ленни неохотно полез в карман. Голос у него дрогнул.

— А почему мне нельзя ее оставить? Она ведь ничья. Я ее не украл. Просто нашел на дороге.

Джордж по-прежнему решительно протянул руку. Медленно, как собачонка, которая несет хозяину палку, Ленни подошел, потом попятился, потом подошел снова. Джордж щелкнул пальцами, и Ленни торопливо положил мышь ему в руку.

— Но я ведь ничего плохого не сделал, Джордж. Я просто ее гладил.

Джордж встал и зашвырнул мышь далеко, в темнеющий кустарник, потом подошел к реке и тщательно вымыл руки.

— Дурак полоумный. Думаешь, я не вижу, что у тебя ноги мокрые — ты ж через реку за ней ходил.

Он услышал, что Ленни заскулил, и обернулся.

— Нюни распустил, как маленький? Ох ты, господи! Такой здоровенный детина — и плачет. — Губы Ленни кривились, глаза были полны

слез. — Ну же, Ленни! — Джордж положил руку ему на плечо. — Я отобрал ее у тебя не по злобе. Ведь эта мышь давным-давно уже издохла, и потом, ты ее совсем раздавил, когда гладил. Ну ничего, найдешь другую, живехонькую, так уж и быть, оставишь ее ненадолго.

Ленни сел на землю и понурил голову.

— Тут больше мышей не найдешь. Помню, одна женщина отдавала мне мышей, как поймает. Но ее ведь здесь нету.

Джордж усмехнулся.

— Одна женщина? И ты не помнишь даже, кто она такая. А ведь это была твоя тетка Клара. Она потом перестала тебе их давать. Ты же всегда их убивал.

Ленни поднял глаза и печально поглядел на Джорджа.

— Они такие малюсенькие, — сказал он виновато. — Я их гладил, а потом они кусали меня за палец, и чуть только им голову прижмешь, они сразу дохнут, потому что они такие малюсенькие. Поскорей бы у нас были кролики, Джордж. Они не такие малюсенькие.

— К черту кроликов. Тебе нельзя давать живых мышей. Тетка Клара купила тебе резиновую мышь, но ее ты не захотел взять.

— Ее не так приятно гладить, — сказал Ленни.

Багрянец заката слинял с горных вершин, и сумерки сползли в долину, а меж ив и сикоморов уже царил полумрак. Крупный карп всплыл на поверхность заводи, глотнул воздуха и снова погрузился в таинственную темную воду, оставив на ее глади разбегающиеся круги. Листва снова зашелестела, и с ив в воду слетел белый пух.

— Принесешь ты наконец хворост? — спросил Джордж. — Вон у того сикомора целая куча сучьев, после разлива остались. Тащи скорей.

Ленни пошел к дереву и принес охапку сухих сучьев и листьев. Он бросил ее на старое кострище, сходил к дереву еще раз, потом еще. Была уже почти ночь. Над водой с шумом пролетел лесной голубь. Джордж подошел к куче и поджег листья. Сучья затрещали и занялись. Джордж развернул одеяло и вынул три банки фасоли. Он поставил их у самого костра, но так, чтобы огонь их не касался.

— Этой фасоли хватило бы на четверых, — сказал он.

Ленни смотрел на него, стоя по другую сторону костра. Он сказал упрямо:

— Я люблю фасоль с кетчупом.

— Но у нас нет кетчупа! — рассердился

Джордж. — Вечно ты хочешь того, чего нету. Боже праведный, будь я один, я бы и горя не знал. Работал бы себе спокойно. Никаких забот, получал бы каждый месяц свои пятьдесят монет, ехал в город и покупал, чего хотел. А ночь проводил бы с девчонками. И обедал бы, где хотел, в гостинице или еще где, и заказывал бы, чего только в голову взбредет. Каждый месяц. Брал бы целый галлон виски да играл бы в карты или на бильярде.

Ленни присел на корточки и глядел поверх костра на рассерженного Джорджа. Лицо у него перекосилось от страха.

— А так, что у меня есть? — продолжал Джордж все яростней. — У меня есть ты. И через тебя я все время теряю работу. Через тебя я все время мыкаюсь по стране. И это еще не самое худшее. Ты то и дело попадаешь в беду. Натворишь чего-нибудь, а я тебя вызволяй.

Голос его возвысился почти до крика.

— Ты полоумный сучий сын. Через тебя я все время как на иголках!

И он передразнил Ленни, как передразнивают друг друга маленькие девчонки:

— «Я только хотел потрогать ее платье, только хотел погладить, как мышку...» Но откуда ей, к чертовой матери знать, что только потрогать?

Она — вырываться, но ты ухватил ее, как мышь. Она — в крик… Вот и просидели мы в канаве цельный день, а стемнело, мы дали деру, помнишь? И так всегда, всегда! Посадить бы тебя в клетку да напустить туда этих самых мышей, радуйся тогда сколько влезет!

И вдруг злоба схлынула. Он глянул поверх костра на страдальческое лицо Ленни, а потом, устыдясь, стал смотреть на огонь.

Совсем стемнело, лишь костер освещал стволы и кривые ветки деревьев. Ленни медленно и осторожно пополз на четвереньках вокруг костра, пока не очутился рядом с Джорджем. Он присел на корточки. Джордж повернул банки другим боком к огню. Ленни он будто и не замечал.

— Джордж, — окликнул его тот едва слышно. Ответа не было. — Джордж.

— Ну, чего тебе?

— Я просто пошутил, Джордж. Я не хочу кетчупа. Я бы не стал есть кетчуп, даже ежели б он был вот здесь, прямо передо мной.

— Но ведь ты его любишь.

— Все равно не хочу, Джордж. Тебе бы отдал. Сам к нему и не притронулся.

Джордж все так же угрюмо смотрел в огонь.

— Подумать только! До чего хорошо мне жи-

лось бы без тебя! Рехнуться можно! А с тобой ни минуты покоя.

Ленни все еще сидел на корточках. Он поглядывал в темную даль за рекой.

— Джордж, ты хочешь, чтоб я ушел?

— Куда ты, на хрен, пойдешь?

— Вон туда, в горы. Найду какую-нибудь пещеру.

— Да? А жрать чего будешь? У тебя ведь не хватит соображения, даже чтоб раздобыть себе жратву.

— Что-нибудь раздобуду, Джордж. Мне ведь не нужна вкусная еда с кетчупом. Буду лежать на солнышке, и никто меня не тронет. А найду мышь, оставлю себе. И никто ее не отнимет.

Джордж бросил на него быстрый испытующий взгляд.

— Обиделся, да?

— Ежели я тебе не нужен, пойду в горы да сыщу пещеру. Могу хоть сейчас уйти.

— Нет… Послушай, Ленни, я просто пошутил. Конечно, я хочу, чтоб ты остался со мной. Вся беда в том, что ты всегда давишь этих мышей. — Он помолчал. — Знаешь, что, Ленни, как выпадет случай, подарю тебе щенка. Может, его не задавишь. Щенок лучше, чем мышь. И гладить его

можно крепче.

Но Ленни не попался на удочку. Он знал, чем пронять Джорджа.

— Ежели я тебе не нужен, ты скажи, я уйду прямо в горы и буду жить один. И никто не отнимет у меня мышь.

Джордж сказал:

— Я хочу, чтоб ты остался со мной, Ленни. Господи, если я тебя брошу, ведь тебя же кто-нибудь примет за койота да подстрелит. Нет уж, оставайся. Твоя тетка Клара, покойница, огорчилась бы, узнай она, что ты убежал.

Ленни вкрадчиво попросил:

— Расскажи мне… как тогда…

— Про что рассказать?

— Про кроликов.

— Не морочь мне голову, — огрызнулся Джордж.

— Ну, Джордж, расскажи. Пожалуйста, Джордж. Как тогда! — взмолился Ленни.

— Стало быть, нравится? Ну ладно, слушай, а уж потом поужинаем…

Голос Джорджа потеплел, смягчился. Он произносил слова чуть нараспев, но быстро, видимо, рассказывал об этом не в первый раз.

— Люди, которые батрачат на чужих ранчо,

самые одинокие на свете. У них нет семьи. Нет дома. Придут на ранчо, отработают свое, а потом — в город, денежки проматывать, и глядишь, уж снова на другое ранчо подались. И в будущем у них ничего нет.

Ленни ловил каждое слово.

— Во-во, правильно. А теперь расскажи про нас.

Джордж продолжал:

— Но мы совсем не то, что они. У нас есть будущее. И тебе и мне есть с кем поговорить, о ком позаботиться. Нам незачем сидеть в баре и накачиваться виски только потому, что больше некуда деваться. Иной человек попадает в тюрьму и может сгнить там — никто и пальцем не шевельнет. Другое дело — мы.

— «Другое дело — мы! — подхватил Ленни. — А почему? Да потому... потому, что у меня есть ты, а у тебя есть я, вот почему». — Он радостно засмеялся. — Говори же, Джордж, говори!

— Но ведь ты и так все знаешь наизусть. Можешь и сам рассказать.

— Нет, ты. Вдруг я чего-нибудь позабуду. Расскажи, как оно будет.

— Ну уж ладно. Когда-нибудь мы подкопим деньжат да купим маленький домик, несколько

акров земли, корову, свиней и…

— «И будем сами себе хозяева! — воскликнул Ленни. — И заведем кроликов». Говори дальше, Джордж! Про наш сад, и про кроликов в клетках, и про дожди зимой, и про печь, и какие густые сливки мы будем снимать с молока — хоть ножом режь. Расскажи, Джордж.

— Отчего ж не сам? Ведь ты все знаешь.

— Нет… лучше ты. У меня так не выходит… Говори, Джордж. Про то, как я буду кормить кроликов.

— Так вот, — сказал Джордж. — У нас будет большой огород, и кролики, и цыплята. А зимой, в дождь, мы плюнем на работу, затопим печь, станем сидеть себе около нее да слушать, как дождь стучит по крыше… А, черт! — Он вынул из кармана перочинный нож. — Дальше некогда рассказывать. — Он вскрыл ножом одну жестянку и передал ее Ленни. Потом вскрыл вторую. Из бокового кармана он достал две ложки и одну дал Ленни.

Они уселись у костра и стали дружно жевать, набивая рты бобами. Несколько бобов выпали у Ленни изо рта.

Джордж ткнул в его сторону ложкой.

— Что ты скажешь завтра, когда хозяин спросит

тебя о чем-нибудь?

Ленни перестал жевать, сглотнул. Лицо его стало сосредоточенным.

— Я… я… буду молчать.

— Молодец! Вот это здорово, Ленни. Никак, ты поумнел. Заведем ранчо, и, так и быть, присматривай за кроликами. Только больше ничего не забывай.

У Ленни дух захватило от радости.

— Я буду помнить, — сказал он.

Джордж снова взмахнул ложкой.

— Послушай, Ленни. Оглядись хорошенько. Можешь ты запомнить это место? Ранчо вот там, в четверти мили отсюда. Нужно все время идти вдоль реки.

— Конечно, — сказал Ленни. — Я могу запомнить. Ведь я запомнил, что нужно молчать.

— Конечно, запомнил. Так вот, Ленни, если ты чего натворишь, как раньше, сразу же бегом сюда и затаись в кустах.

— Затаись в кустах, — медленно повторил Ленни.

— Да, затаись в кустах и жди меня. Запомнишь?

— Конечно, Джордж. Затаиться в кустах и ждать тебя.

— Но гляди, если что натворишь, не позволю тебе кормить кроликов.

Он швырнул пустую жестянку в кусты.

— Я ничего не натворю, Джордж. Я буду молчать.

— Ладно. Тащи свое одеяло к костру. Здесь хорошо спать. Видны небо и листья. Не подбрасывай больше хворосту. Пускай костер помаленьку угасает.

Они расстелили одеяла на песке. Костер догорал, и круг света суживался; кроны деревьев исчезли в темноте, и проступали лишь толстые стволы, Ленни спросил:

— Джордж, ты спишь?

— Нет. Чего тебе?

— Давай заведем кроликов разных мастей.

— Само собой, — отозвался Джордж сонно. — Красных, и синих, и зеленых кроликов, Ленни. Мильоны всяких кроликов.

— И чтоб пушистые, Джордж, такие, как на ярмарке в Сакраменто.

— Да, пушистые, само собой.

— Но ведь я могу и уйти, Джордж, буду жить в пещере.

— И к черту тоже можешь уйти, — сказал Джордж. — А теперь заткнись.

Раскаленные уголья постепенно угасали. За рекой, в горах, завыл койот, с другого берега отозвалась собака. Легкий ночной ветерок шевелил листья сикоморов.

* * *

Длинный, прямоугольником, барак. Стены внутри побеленные, пол некрашеный. В трех стенах — маленькие квадратные оконца, а в четвертой — тяжелая дверь с деревянной щеколдой. По стенам восемь коек, пять из них застелены одеялами, а на трех — лишь холстинные тюфяки. Над каждой койкой прибит ящик из-под яблок, нечто вроде полки для вещей постояльца. И полки эти завалены всякой всячиной — мылом и пачками талька, бритвами и ковбойскими журналами; на ранчо их так любят читать, и хотя смеются над ними, но втайне верят каждому слову. А еще на полках лекарства в пузырьках и гребни; кое-где на гвоздях, вбитых рядом, висят галстуки. В углу — черная чугунная печь, труба ее выходит наружу прямо через потолок. Посреди комнаты большой квадратный стол, на нем валяются истрепанные карты, а вокруг вместо стульев расставлены ящики.

Около десяти часов утра солнце заглянуло в

одно из оконцев, бросив на пол пыльный сноп света, и в этом свете, словно яркие искры, закружились мухи.

Стукнула деревянная щеколда. Дверь отворилась, и вошел высокий сутулый старик в синих джинсах; в левой руке он держал большую швабру. За ним вошел Джордж, а за Джорджем Ленни.

— Хозяин ждал вас вчера вечером, — сказал старик. — Он здорово разозлился, когда вы не пришли, хотел поставить вас на работу еще нынче утром.

Он вытянул правую руку, и из рукава высунулась круглая, как палка, культя.

— Занимайте вон те две, — сказал он, указывая на койки возле печи.

Джордж шагнул вперед и бросил одеяла на мешок с соломой, служивший тюфяком. Он оглядел полку и взял с нее маленькую желтую баночку:

— Послушай, а это что такое?

— Не знаю, — ответил старик.

— Здесь написано «Лучшее лекарство от вшей, тараканов и других паразитов». Куда ты нас привел? Нам этакая живность ни к чему.

Старый уборщик сунул швабру под мышку, протянул руку и взял баночку.

— Вот какое дело, — сказал он, помолчав. —

Последним здесь спал один кузнец, славный малый, и чистюля, каких поискать. Мыл руки даже после еды.

— Так где ж он вшей-то набрался? — Джордж постепенно закипал злобой. Ленни положил свои одеяла на соседнюю койку и сел. Он глядел на Джорджа, открыв рот.

— Понимаешь, — сказал старик. — Этот самый кузнец, Уайти, был такой чудак, что сыпал порошок, даже ежели клопов не было — просто так, для верности. И еще вот что делал… Всегда чистил за столом вареную картошку и каждое пятнышко соскребал, прежде чем съесть. И ежели на крутом яйце красные пятнышки, он их тоже соскребал. Он и ушел-то из-за харчей. Вот он какой был чистюля и наряжался каждое воскресенье, галстук и то наденет, а потом сиднем сидит здесь, в бараке, никуда не идет.

— Что-то не верится, — сказал Джордж подозрительно. — Из-за чего, говоришь, он ушел?

Старик положил баночку в карман и поскреб костяшками пальцев свои щетинистые щеки.

— Ну… просто ушел… как все люди уходят… Сказал, что из-за харчей. Наверно, хотел место переменить. Ни об чем другом не сказал, только об харчах. Просто однажды вечером говорит:

«Давайте расчет», — как и все люди.

Джордж поднял тюфяк и заглянул под него. Наклонился, внимательно осмотрел холстину. Ленни тотчас встал и сделал то же самое. Джордж наконец как будто успокоился. Он развернул одеяла и положил на полку бритву, кусочек мыла, гребень, пузырек с пилюлями, мазь и ремень. Потом аккуратно застелил койку одеялом. Старик сказал:

— Хозяин, наверно, сейчас придет. Ну и разозлился же он нынче утром, когда узнал, что вас нет. Мы как раз завтракали, а он приходит и говорит: «Где же эти новые, черт бы их взял?» И конюху от него крепко досталось.

Джордж расправил складку на одеяле и сел.

— Конюху досталось? — переспросил он.

— Ну да. Понимаешь, конюх у них негр.

— Негр?

— Ну да. Славный малый. С тех пор, как его лошадь лягнула, он горбатый. Хозяин всегда на нем зло срывает. А ему плевать. Все читает книжки. У него пропасть книжек.

— А ваш хозяин что за человек? — спросил Джордж.

— Славный малый. Иногда, правда, зверь зверем, а так ничего, славный малый. Знаешь, что

он сделал на Рождество? Принес ведро виски и говорит: «Пей, ребята, вволю. Рождество бывает раз в году».

— Вот это здорово! Неужто ведро?

— Да, брат. Ну и потеха пошла. Негра тоже позвали. А один погонщик, Кузнечик по прозванию, хилый такой, стал задирать его. Вот дело было! Ребята не позволили Кузнечику драться ногами, и негр ему всыпал. Кузнечик говорит, что убил бы негра, ежели б разрешили бить ногами. Но ребята сказали, что раз негр горбатый, ногами не бить. — Он замолчал, припоминая. — А потом они поехали в Соледад и здорово там повеселились. Я не поехал. Где уж мне на старости лет.

Ленни тем временем застелил свою койку. Снова поднялась деревянная щеколда, и дверь отворилась. Вошел маленький, коренастый человек, остановился на пороге. На нем были синие джинсы, шерстяная рубашка, черный незастегнутый жилет и такой же черный пиджак. Большие пальцы он заткнул за пояс с квадратной стальной пряжкой. На голове у него была засаленная широкополая шляпа, на ногах — башмаки на высоких каблуках и со шпорами, которые он носил, чтобы выделиться среди простых работяг.

Старик, увидев его, шаркая попятился к двери,

потирая на ходу щеку.

— Эти двое только что пришли, — сказал он и проскользнул мимо хозяина за дверь.

Хозяин вошел в комнату, мелко перебирая толстыми ногами.

— Я написал Марри и Реди, что мне нужны два человека сегодня с утра. Документы при вас?

Джордж полез в карман, достал два листка и протянул их хозяину.

— Выходит, Марри и Реди не виноваты. Здесь написано, что вы должны выйти на работу сегодня с утра.

Джордж глядел себе под ноги.

— Шофер автобуса завез нас не в ту сторону, — сказал он. — Пришлось тащиться пешком десять миль. Он сказал, что до ранчо рукой подать, а оказывается, вон как далеко. И попутных машин все утро не было.

Хозяин прищурился.

— А мне пришлось послать в поле на двух человек меньше. Теперь уж до обеда вам нету смысла идти.

Он достал из кармана записную книжку и открыл ее там, где она была заложена карандашом. Джордж бросил на Ленни многозначительный взгляд, и Ленни кивнул, показывая, что понял.

Хозяин послюнил карандаш.

— Имя, фамилия?

— Джордж Милтон.

— А ты?

— Он — Ленни Хили.

Хозяин записал обоих в книжку.

— Так вот, сегодня у нас двадцатое число, полдень. — Он закрыл книжку. — А раньше вы где работали?

— Неподалеку от Уида.

— И ты тоже? — спросил хозяин, обращаясь к Ленни.

— Да, и он тоже, — сказал Джордж.

Хозяин с усмешкой указал на Ленни.

— Он, кажется, не очень-то разговорчивый?

— Не очень, зато работящий. И силен как бык.

Ленни улыбнулся.

— Силен как бык, — повторил он.

Джордж бросил на него свирепый взгляд, и Ленни пристыженно понурил голову.

Вдруг хозяин сказал:

— Послушай-ка, Хили. — Ленни поднял голову. — Что ты умеешь делать?

Ленни испуганно поглядел на Джорджа, ожидая помощи.

— Он умеет делать все, что ему велят, — сказал

Джордж. — Хорошо управляется с лошадьми. Может ссыпать зерно в мешки, пахать и боронить землю. Словом, он все умеет. Вы его только испробуйте.

Хозяин повернулся к Джорджу.

— Так чего ж ты ему не даешь самому сказать? С разъяснениями лезешь!..

Джордж громко перебил его:

— Я же не говорю, что у него ума палата. Нет. Я говорю только, что он работник, каких днем с огнем не сыщешь. Может поднять кипу хлопка весом в добрых четыреста фунтов.

Хозяин нарочито равнодушно спрятал записную книжку в карман. Он засунул большие пальцы рук за пояс и прищурил один глаз.

— Слышь, чего это ты его расхваливаешь?

— А?

— Я спрашиваю, что тебе за дело до этого малого. Ты небось прикарманиваешь его денежки?

— Да нет, что вы. С чего вы взяли, что я его расхваливаю?

— Сроду не видал такой заботы. Я просто хочу знать, какая тебе от этого выгода?

— Он мой… мой двоюродный брат, — сказал Джордж. — Я обещал его мамаше за ним присматривать. Его в детстве лошадь лягнула в голову.

Но он малый ничего, хоть и не семи пядей во лбу. Может делать все, что ему велят.

Хозяин уже повернулся к двери.

— Ну что ж, видит бог, не надобно большого ума, чтоб ссыпать ячмень в мешки. Но смотри, не вздумай морочить меня, Милтон. Я вижу, за тобой нужен глаз да глаз. Отчего вы ушли из Уида?

— Работа кончилась, — поспешно ответил Джордж.

— Какая работа?

— Мы… мы рыли сточную яму.

— Ладно. Только не вздумай меня морочить, тебе это даром не пройдет. Видал я таких умников. После обеда выйдете на работу вместе со всеми, будете ссыпать ячмень в мешки у молотилки. Под началом у Рослого.

— У Рослого?

— Да. Такой высокий, здоровенный детина. Увидите его за обедом.

Он снова повернулся и пошел к двери, но, прежде чем выйти, оглянулся и долго смотрел на обоих.

Шаги его замерли, и Джордж напустился на Ленни:

— Ты должен был молчать! Не разевай пасть! Я б обо всем договорился. Через тебя мы чуть

работу не потеряли!

Ленни уныло смотрел в пол.

— Я позабыл, Джордж.

— Позабыл! Ты всегда все забываешь, а я тебя вызволяй. — Джордж плюхнулся на койку. — А теперь он с нас глаз не спустит! Не дай бог проштрафимся. Теперь уж не смей и рта раскрыть.

Он угрюмо умолк.

— Джордж…

— Ну, чего тебе еще?

— Меня ведь никакая лошадь не лягала…

— И очень жаль, — сказал Джордж со злостью. — Это всех избавило бы от хлопот.

— А еще, Джордж, ты сказал, что я твой двоюродный брат.

— Конечно, это неправда. К моему счастью. Будь я твоим родичем, я б застрелился. — Он вдруг замолчал, быстро подошел к двери и выглянул наружу. — А ты какого дьявола здесь подслушиваешь?

В барак медленно вошел старик. В руке он держал швабру. Следом за ним, ковыляя, вошла овчарка с седой мордой и бельмастыми от старости глазами. Овчарка добрела до стены и улеглась, тихо ворча и вылизывая свою седую, изъеденную блохами шкуру. Старик долго глядел

на нее.

— Я не подслушивал. Просто остановился на минутку в тени и погладил собаку. Я только что кончил прибирать в умывальной.

— Нечего совать нос в наши дела, — сказал Джордж. — Терпеть не могу любопытных.

Старик смущенно взглянул на Джорджа, потом на Ленни, потом снова на Джорджа.

— Я только что подошел, — сказал он. — Не слышал ни слова, об чем вы тут говорили. Меня это вовсе не интересует. На ранчо не принято подслушивать и задавать вопросы.

— И правильно, — сказал Джордж, смягчившись. — А не то и вылететь недолго. — Но, видно, он поверил оправданиям старика. — Сядь, посиди с нами, — сказал он. — Какая старая у тебя собака.

— Да. Я взял ее еще щенком. Хорошая была овчарка.

Он поставил швабру у стены и тыльной стороной ладони потер белую щетину на щеке.

— Ну, как вам хозяин? — спросил он.

— Ничего. Хороший человек.

— Славный малый, — согласился старик. — Он только с виду такой сердитый.

В барак вошел молодой мужчина, худощавый,

смуглолицый, с карими глазами и густыми вьющимися волосами. На левой руке — рукавица, а на ногах, как и у хозяина, башмаки с высокими каблуками.

— Не видали моего старика? — спросил он.

— Он только что был здесь, Кудряш, — сказал уборщик. — Наверно, пошел на кухню.

— Пойду догоню, — сказал Кудряш.

Тут он заметил незнакомых людей и остановился. Злобно поглядел на Джорджа, потом на Ленни. Руки его медленно согнулись в локтях, кулаки сжались. Он весь набычился и слегка присел. Теперь он бросил на них одновременно оценивающий и вызывающий взгляд. Ленни съежился и робко переминался с ноги на ногу. Кудряш грозно направился к нему.

— Вы, стало быть, и есть те новенькие, которых ждал мой старик?

— Только что пришли, — ответил Джордж.

— Пусть говорит вот этот верзила.

Ленни в растерянности съежился еще больше.

— А если он не хочет? — сказал Джордж.

Кудряш резко повернулся к нему.

— Раз спрашиваю, должен отвечать! Ты-то чего суешься?

— Мы с ним вместе работаем, — сказал Джордж

угрюмо.

— Вот как!

Джордж весь напрягся, но не шелохнулся.

— Да, вот так.

Ленни беспомощно поглядел на Джорджа: что делать?

— И ты не позволяешь ему говорить, что ли?

— Пускай говорит, если хочет чего сказать.

— Мы только что пришли, — тихо сказал Ленни.

Кудряш смерил его тяжелым взглядом.

— Так вот, в другой раз отвечай, когда спрашивают.

Он повернулся и пошел. Руки его были все еще слегка согнуты в локтях.

Джордж проводил его взглядом, потом посмотрел на старика.

— Слушай, какого черта ему надо? Ленни ему ничего не сделал.

Старик опасливо покосился на дверь, чтобы убедиться, не подслушивает ли кто.

— Это хозяйский сын, — сказал он тихо. — Ловко дерется. Боксом занимался. Выступал в легком весе, ловко дрался.

— Ну и пусть, — сказал Джордж. — Нечего ему приставать к Ленни. Ленни ему ничего не сделал.

Что он имеет против него?

Старик подумал немного.

— Ну… вот какое дело… Кудряш, как и все недомерки, терпеть не может здоровяков. Так и лезет в драку. Видно, они его бесят, потому что ростом выше. Ты, наверно, не раз видел таких. Все время задираются.

— Конечно, — сказал Джордж. — Я на этих драчунов-недомерков насмотрелся. Но Кудряш пусть не рассчитывает, что Ленни ему спустит. Ленни не очень-то ловкий, но этому сопляку крепко врежет, ежели тот сунется.

— Ну, а Кудряш-то ловкач из ловкачей, — возразил старик. — Любого вокруг пальца обведет. Положим, пристанет к здоровяку и вздует его. Тогда всякий скажет: «Молодчина этот Кудряш». Ну, а положим, его самого вздуют. Тогда все скажут: вот связался черт с младенцем, и, может, даже всем скопом вздуют того, здоровенного. И опять Кудряш в выигрыше. Ни с кем-то он по-честному не дерется.

Джордж посмотрел на дверь и сказал с угрозой:

— Ну, пускай лучше держится от Ленни подальше. Ленни не драчун, но он сильный, хотя хитростей этих всяких не знает.

Он подошел к столу и сел на один из ящиков. Собрал карты, стасовал.

Старик присел на другой ящик.

— Не передавай Кудряшу, что я говорил. Он с меня шкуру спустит. Ему что! Его-то за решетку не посадят. У него отец — шишка.

Джордж стасовал колоду и начал переворачивать карты, глядя на каждую и бросая ее в кучу.

— Сдается мне, что этот Кудряш — просто сучий сын, — сказал он. — Не люблю злобную мелюзгу.

— Он еще хуже стал в последнее время, — сказал старик. — Женился недели две назад. Живет с женой в хозяйском доме. И с тех пор совсем осатанел.

— Может, перед женой храбрость свою показать хочет, — проворчал Джордж.

Старик обрадовался случаю посплетничать.

— Видал рукавицу у него на левой руке?

— Да. Видал.

— Так вот, она вся пропитана вазелином.

— Вазелином? На кой шут?

— Вот дело какое… Кудряш говорит, что эту руку он для своей супружницы умягчает.

Джордж внимательно рассматривал карты.

— И не стыдно ему про это языком трепать?

Старик оживился. Он все-таки заставил Джор-

джа сказать плохое о хозяйском сынке. Теперь ему нечего было опасаться, и он разоткровенничался.

— Вот погоди, увидишь его супружницу.

Джордж снова стасовал карты и стал медленно, старательно раскладывать пасьянс.

— Хорошенькая? — спросил он небрежно.

— Да, хорошенькая… Но…

Джордж внимательно рассматривал карты.

— Что «но»?

— Мужчинам глазки строит.

— Да ну? Две недели как замужем и уже глазки? Может, поэтому Кудряш и осатанел?

— Я видел, как она с Рослым заигрывала. Рослый у нас — старший возчик. Славный малый. Ему не надобно носить башмаки на высоких каблуках, его и так слушаются. Так вот, я видел, как она с ним заигрывала. А Кудряш не видел. И с Карлсоном тоже.

Джордж притворился, будто ему неинтересно.

— Кажется, предстоит потеха.

Старик встал с ящика.

— Знаешь, что мне сдается? — Джордж не ответил. — Сдается мне, что Кудряш женился на… потаскушке.

— Не он первый, не он последний, — отозвался

Джордж.

Старик поплелся к двери. Старая собака подняла голову, огляделась, потом с трудом встала на ноги, собираясь идти за ним.

— Надо налить для ребят воду в умывальник. Они скоро придут. Вы ячмень ссыпать будете?

— Да.

— Смотрите же, не говорите ничего Кудряшу.

— Само собой, не скажем.

— Так вот, ты приглядись к ней. Сам увидишь, потаскушка она или же нет.

Он вышел за дверь на яркий солнечный свет.

Джордж задумчиво раскладывал карты по три. Потом прикрыл туза четверкой треф. Сноп солнечных лучей падал теперь на пол, и мухи проносились сквозь него, как искры. Снаружи послышалось позвякивание сбруи и кряхтение тяжело груженных повозок. Издали донесся звонкий крик:

— Конюх, эй, конюх! Куда запропастился этот черномазый?

Джордж посмотрел на свой пасьянс, потом смешал карты и повернулся к Ленни. Ленни лежал на койке и глядел на него.

— Слышь, Ленни! Неладно здесь. Я что-то опасаюсь. Из-за этого Кудряша ты попадешь в беду.

Видал я таких. Он вроде бы тебя прощупывал. Решил, что ты испугался, и теперь при первом случае станет бить.

Глаза у Ленни расширились от страха.

— Не хочу я попасть в беду, — сказал он жалобно. — Не давай ему бить меня, Джордж.

Джордж встал, подошел к Ленни и сел на его койку.

— Терпеть не могу таких гадов, — сказал он. — Я их много перевидал. Как сказал этот старик, Кудряш ничем не рискует. Он всегда в выигрыше. — Джордж помолчал, размышляя. — Если он будет тебя задирать, Ленни, придется нам отсюда уйти. Это яснее ясного. Он хозяйский сынок. Слышь, Ленни. Постарайся держаться от него подальше, ладно? Никогда с ним не разговаривай. Если он придет сюда, сразу уходи в другой конец барака. Ладно, Ленни?

— Не хочу попасть в беду, — скулил Ленни. — Я его не трогал.

— Ну, это не поможет, если Кудряш захочет показать свою храбрость. Просто держись от него подальше. Запомнишь?

— Конечно, Джордж. Я должен молчать.

Шум приближался, нарастал — стучали копыта по твердой земле, скрипели колеса и звяка-

ла упряжь. Люди перекликались меж собой. Джордж, сидя на койке подле Ленни, в задумчивости хмурился. Ленни спросил робко:

— Ты не сердишься, Джордж?

— На тебя — нет. Сержусь на этого подлого Кудряша. Я надеялся, что мы заработаем здесь хоть сотню долларов. — В голосе его зазвучала решимость. — Держись подальше от Кудряша, Ленни.

— Конечно, Джордж. Я буду молчать.

— Не допускай, чтоб он втравил тебя в драку, но, уж коли этот сучий сын полезет к тебе, дай ему хорошенько.

— Что ему дать, Джордж?

— Ну ладно, неважно. Я тебе тогда скажу. Не переношу этаких подлецов. Слышь, Ленни, ежели случится беда, ты помнишь, что я тебе говорил?

Ленни приподнялся на локте. Лицо напряглось. Потом он печально посмотрел Джорджу в глаза.

— Ежели случится беда, ты не позволишь мне кормить кроликов.

— Да я не об этом. Помнишь, где мы сегодня ночевали? Ну, возле реки?

— Да. Помню. Ну конечно, помню! Я должен побежать туда и спрятаться в кустах.

— И сиди там, покуда я за тобой не приду. Только чтоб тебя никто не видал. Спрячешься в кустах

у реки. Повтори.

— Спрячусь в кустах у реки, в кустах у реки.

— Ежели случится беда.

— Ежели случится беда.

Снаружи заскрипела повозка. Раздался крик:

— Ко-о-нюх! Э-э-й, конюх!

Джордж сказал:

— Повторяй время от времени про себя, Ленни, чтоб не позабыть.

Оба подняли головы: прямоугольник света в дверях вдруг померк. На пороге стояла молодая женщина: полные, накрашенные губы и большие, сильно подведенные глаза, ярко-красные ногти. Волосы ниспадали мелкими локонами-колбасками. На ней было бумажное домашнее платье и красные домашние туфли, над которыми торчали пучки красных страусовых перьев.

— Я ищу Кудряша, — сказала она.

Голос у нее был какой-то ломкий и чуть в нос.

Джордж отвернулся, потом снова поглядел на нее.

— Он был здесь минуту назад, но куда-то ушел.

— А! — Она заложила руки за спину и прислонилась к дверному косяку, слегка пригнув голову. — Вы новенькие. Только что пришли, да?

Ленни оглядел ее с головы до ног, и она, хотя,

казалось, не смотрела на него, едва заметно приподняла голову. Потом поглядела на свои ногти.

— Кудряш иногда заходит сюда, — объяснила она.

— Но сейчас его здесь нету, — сказал Джордж решительно.

— Если нету, поищу где-нибудь еще, — сказала она игриво.

Ленни смотрел на нее, как завороженный.

— Увижу его, скажу, что вы его искали, — проговорил Джордж.

Она лукаво улыбнулась и качнулась вперед всем телом.

— Что ж, мне его уж и поискать нельзя? — сказала она.

Позади нее раздались шаги. Она обернулась.

— А, Рослый, здравствуй, — сказала она.

За дверью послышался голос Рослого:

— Здравствуй, красуля.

— Я ищу Кудряша.

— Плохо ты его ищешь. Я видел, он пошел домой.

Она вдруг забеспокоилась.

— Пока, ребята, — бросила она через плечо и поспешила прочь.

Джордж посмотрел на Ленни.

— Господи, ну и штучка, — сказал он. — Так вот какую супружницу выбрал себе Кудряш.

— Она хорошенькая, — будто оправдываясь, сказал Ленни.

— Да, хоть и строит из себя невесть что. У Кудряша еще будет с ней хлопот полон рот. Провалиться мне, ежели ее не сманят за двадцать долларов.

Ленни все смотрел на дверь, возле которой она только что стояла.

— Ей-ей, она хорошенькая.

Он восторженно улыбнулся.

Джордж быстро взглянул на Ленни и сильно дернул его за ухо.

— Слышь, ты, дурак полоумный, — сказал он со злобой. — Не смей даже глядеть на эту суку. Что бы она ни сделала и что бы ни сказала! Видал я таких! Через нее живо за решетку угодишь! Держись от нее подальше.

Ленни попытался освободить ухо.

— Я ничего не сделал, Джордж.

— Известно, не сделал. Но когда она стояла у двери и выставила напоказ свои ноги, ты не отвернулся.

— Я ничего плохого не думал, Джордж. Честное слово, не думал.

— Так вот, держись от нее подальше, потому что через нее в два счета пропадешь, а уж я в бабах толк знаю. Пускай Кудряш отдувается. Сам виноват. Перчатка с вазелином! — сказал Джордж презрительно. — Небось он и сырые яйца глотает да выписывает по почте всякие патентованные снадобья.

— Мне здесь не нравится, Джордж! — воскликнул вдруг Ленни. — Это плохое место. Я хочу уйти отсюда.

— Ничего не поделаешь, Ленни. Надо обождать, покуда денег не заплатят. Мы уйдем, как только можно будет. Мне самому здесь нравится не больше, чем тебе. — Он вернулся к столу и снова принялся за пасьянс. — Нет, не нравится мне здесь, — повторил он. — И я сам убрался бы отсюда с превеликим удовольствием. Вот только накопим малость деньжат и непременно уйдем, доберемся до верховий Миссисипи и станем золото мыть. Может, будем тогда зарабатывать по нескольку долларов в день, вот и накопим.

Ленни живо наклонился к нему.

— Уйдем, Джордж. Уйдем отсюда. Здесь плохо.

— Придется обождать, — обронил Джордж отрывисто. — А теперь помолчи. Сюда идут.

Из умывальной послышался плеск воды и звон

тазов. Джордж разглядывал карты.

— Пожалуй, не мешало бы и нам умыться, — сказал он. — Но мы ведь не пачкались.

В дверях появился высокий человек. Под мышкой он держал измятую шляпу, свободной рукой расчесывал длинные черные мокрые волосы. Как и все, он носил синие джинсы и короткую бумажную куртку. Причесавшись, он переступил порог с королевским достоинством, видно, это был не последний человек на ранчо. Служил он старшим возчиком и мог управлять разом десятью, шестнадцатью, а то и двадцатью мулами, мог убить кнутом муху на крупе коренника, не причинив ему ни малейшей боли. Держался он спокойно и величественно; стоило ему заговорить, и все сразу же умолкали. Авторитет его был велик, и ему всегда принадлежало решающее слово, шла ли речь о политике или любовном приключении. Звали старшего возчика Рослый. Моложавого, продолговатого лица, казалось, не коснулись годы. Ему можно было дать и тридцать пять, и все пятьдесят. Он умел угадывать недосказанное, говорил медленно и веско, со знанием дела. Руки его, длинные и тонкие, всегда двигались изящно, как в индийском танце.

Он разгладил мятую шляпу, заломил тулью и

надел. Потом дружелюбно посмотрел на двоих незнакомцев.

— На дворе солнце вовсю светит, — сказал он приветливо. — А здесь ни зги не видать. Вы новые?

— Только что пришли, — ответил Джордж.

— Будете ссыпать ячмень?

— Так велел хозяин.

Рослый сел на ящик напротив Джорджа. Он оглядел пасьянс, лежавший к нему вверх ногами.

— Давайте ко мне, ребята, — сказал он дружелюбно. — А то у меня есть там несколько молокососов, не отличат мешка с ячменем от воздушного шара. Вы, ребята, когда нибудь ссыпали ячмень?

— А как же, — сказал Джордж. — Мне-то, правда, хвастаться нечем, но вот этот малый один может ссыпать больше зерна, чем иные вдвоем.

Ленни, который слушал разговор и переводил взгляд с одного на другого, самодовольно улыбнулся, услышав похвалу. Рослый одобрительно посмотрел на Джорджа: ему похвала тоже понравилась. Потом он наклонился над столом и взял за уголок карту, лежавшую в стороне.

— Вы, ребята, всегда работаете вместе?

Говорил он все так же дружески. Он располагал к откровенности, хоть и не был назойлив.

— Ну да, — сказал Джордж. — Помогаем друг другу. — Он указал на Ленни пальцем. — Ленни у меня не шибко-то соображает. Но работает — будь здоров. Славный малый, только вот не соображает. Я его давно знаю.

Рослый поглядел куда-то мимо Джорджа.

— У нас люди редко друг друга держатся, — сказал он задумчиво. — Не знаю почему. Может, в этом проклятом мире все боятся друг друга.

— Вдвоем куда лучше, — сказал Джордж.

В комнату вошел пузатый крепыш. С головы его еще стекала вода после умывания.

— Привет, Рослый, — сказал он и замолчал, разглядывая Джорджа и Ленни.

— Это новенькие, — сказал Рослый, тем самым как бы представив их.

— Рад познакомиться, — сказал вошедший. — Я Карлсон.

— Я Джордж Милтон. А это вот Ленни Хили.

— Рад познакомиться, — повторил Карлсон. — Не такой уж он хилый. — И он тихонько рассмеялся своей шутке. — Совсем не хилый, — сказал он. — Я у тебя вот что хотел спросить, Рослый. Как там твоя собака? Я не видел ее нынче утром

под повозкой.

— Ощенилась вчерашней ночью, — ответил Рослый. — Девять щенков. Четверых я сразу же утопил. Ей столько не выкормить.

— Выходит, осталось пять?

— Да, пять. Самые крупные.

— А как думаешь, какой породы?

— Не знаю, — сказал Рослый. — Наверно, овчарки. Когда у нее была течка, тут вокруг все больше такие кобели вертелись.

— Стало быть, у тебя пять щенков, — продолжал Карлсон. — Думаешь всех себе оставить?

— Не знаю. Подержу покудова у себя, пускай Лулу их покормит.

— Слышь, Рослый, — задумчиво сказал Карлсон. — Я вот чего думаю. Собака у нашего Огрызка совсем старая, еле лапы волочит. Да и воняет от нее до невозможности. Зайдет сюда — потом два, а то и три дня вонь не выветривается. Пущай Огрызок ее пристрелит, и дадим ему щенка, пусть растит. А эту суку я за милю чую. Зубов нету, почти слепая, жрать и то не может. Огрызок ее молоком поит. Молоко жевать не надо.

Джордж не сводил глаз с Рослого. На дворе начали бить в железный рельс, сперва медленно, потом все быстрей и быстрей, пока эти удары не

слились в сплошной звон. Звон прекратился так же внезапно, как и начался.

— Ну, конец, — сказал Карлсон.

За дверью раздались громкие голоса, и мимо прошла группа мужчин.

Рослый медленно, с достоинством встал.

— Пошли, ребята, тут зевать не приходится. Через две минуты не останется ни крошки.

Карлсон остановился, пропуская Рослого вперед, и оба вышли во двор.

Ленни умоляюще посмотрел на Джорджа. Джордж смешал карты в кучу.

— Да, — сказал Джордж. — Я слышал, Ленни. Я его попрошу.

— Белого с коричневыми пятнами! — воскликнул Ленни.

— Пошли обедать. Не знаю только, есть ли у него белый с коричневыми пятнами.

Ленни неподвижно сидел на своей койке.

— Попроси сейчас, Джордж, а то он и этих тоже утопит.

— Ладно. А теперь пойдем, вставай же наконец.

Ленни спрыгнул с койки, и оба пошли к двери. Когда они подошли к порогу, в барак ворвался Кудряш.

— Вы не видали здесь женщину? — спросил он злобно.

— Заходила с полчаса назад, — ответил Джордж.

— Какого дьявола ей здесь надо?

Джордж стоял, спокойно глядя на разъяренного мужчину. Он ответил дерзко:

— Сказала, что вас ищет.

Кудряш словно вдруг увидел Джорджа впервые. Он сверкнул глазами, смерил его взглядом, прикинул расстояние, оглядел его ладную фигуру.

— Ну и куда же она пошла? — спросил он наконец.

— Почем мне знать, — сказал Джордж. — Я ей вслед не глядел.

Кудряш сердито зыркнул, повернулся и быстро пошел к двери.

— Знаешь, Ленни, — сказал Джордж. — Боюсь, как бы не пришлось подправить вывеску этому гаду. Не нравится мне его наглость. Сукин сын! Ну ладно, пойдем. А то ведь нам эдак ничего и не достанется.

Они вышли во двор. Узкая полоска земли под окном была озарена солнцем. Издали доносился стук мисок.

Вскоре старая собака, прихрамывая, вошла в

отворенную дверь. Она поглядела вокруг добрыми подслеповатыми глазами. Потом понюхала воздух, легла и положила голову на лапы.

Кудряш вернулся и снова заглянул в дверь. Собака вздрогнула, но как только Кудряш ушел, она снова уронила на лапы свою поседелую голову.

Хотя за окнами барака еще даже не начинало смеркаться, внутри было темно. Через открытую дверь слышался топот ног, одобрительные или насмешливые возгласы и звяканье — играли в подкову.

Рослый и Джордж вдвоем вошли в темный барак. Рослый протянул руку над столом, где валялись карты, и зажег электрическую лампочку. Из-под жестяного абажура на стол упал конус яркого света, а по углам барака по-прежнему густела тьма. Рослый уселся на ящик. Джордж сел напротив.

— Пустяки, не стоит благодарности, — сказал Рослый. — Все равно, наверное, пришлось бы утопить.

— Может, для тебя это пустяк, — сказал Джордж, — а для него это много значит. Ей-ей, не знаю, как и загнать его сюда на ночь. Он ведь ляжет в конюшне, рядом со щенками. Так и норовит залезть к ним в ящик.

— Пустяки, — повторил Рослый. — Ты про него верно сказал. Может, он и не больно много соображает, но работников таких я еще не видывал. Он, когда ссыпал зерно, чуть не до смерти замучил напарника. Никто за ним не поспевал. Господи, первый раз вижу такого силача.

— Ему только скажи, чего делать, — отозвался Джордж гордо, — все выполнит, если соображать не требуется. Сам он, понятно, никакого дела себе не придумает, зато уж чего ему велено, сделает в лучшем виде.

Со двора послышалось звяканье подковы о железную стойку и негромкие одобрительные возгласы.

Рослый чуть отодвинулся со стола, чтобы свет не бил в глаза.

— Странно, что вы с ним всегда вместе.

Этими словами Рослый как бы вызывал Джорджа на откровенность.

— Что ж тут такого странного? — спросил Джордж напрямик.

— Сам не знаю. Люди редко живут так. Я вот сроду не видал, чтоб двое вместе по стране колесили. Сам знаешь, как поступают работники на ранчо — приходят, занимают койку, работают месяц, а потом берут расчет и уходят поодиночке.

Им наплевать на других. Потому и странно, что безмозглого вроде него и такого умницу, как ты, водой не разольешь.

— Он не безмозглый, — сказал Джордж. — Он тугодум, но не сумасшедший. Да и я не больно умен, иначе не гнул бы здесь спину за полсотни долларов с харчами. Будь я умен или хоть малость смекалист, у меня было бы свое маленькое хозяйство, и я выращивал бы собственный урожай, заместо того чтоб на других горбить.

Джордж наконец умолк. Он разговорился, ему хотелось говорить еще, а Рослый его не расспрашивал, но и не прерывал. Он просто слушал.

— Это вовсе не странно, что мы с ним всегда вместе, — сказал Джордж после долгого молчания. — Мы оба родом из Оберна. Я знал его тетку Клару. Она взяла его к себе ребенком и вырастила. Тетка померла, и Ленни стал работать со мной. И мы вроде бы привыкли друг к другу.

Рослый хмыкнул.

Джордж поглядел на Рослого и встретил его спокойный независимый взгляд.

— Странно! — сказал Джордж. — Я над ним немало измывался, уж как только не подшучивал, он ведь такой робкий, не может постоять за себя. Он даже не понимает, что над ним сме-

ются. Вот я и забавлялся. Ведь рядом с ним я бог весть какой умник. А он все сделает, что я ему ни велю. Скажу: залезь на вершину горы, — он и полезет. Но потом все это надоело. Он никогда не сердился. Я лупил его почем зря, а ведь он мог переломать мне все кости одной рукой, но никогда и пальцем не тронул. — Голос Джорджа зазвучал проникновенно. — Знаешь, почему я перестал над ним надсмехаться? Как-то раз на берегу Сакраменто собралась толпа. Ну, я от большого ума поворачиваюсь к Ленни да говорю: «Прыгай в воду». И он прыгнул. А плавает он, как топор. Чуть не утоп. Мы его вытащили, и он же нас благодарил. Совсем позабыл, что это я велел ему в воду прыгнуть. С тех пор я такого не делал.

— Он добрый малый, — сказал Рослый. — А добрым быть ума не надо. И даже наоборот, мне иной раз думается: взять по-настоящему умного человека — такой редко окажется добрым.

Джордж собрал в колоду разбросанные карты и принялся раскладывать пасьянс. Снаружи послышались шаги. Предзакатные блики все еще играли на окнах.

— Родни у меня нет, — сказал Джордж. — Я много видал людей, которые ходят с ранчо на ранчо в одиночку. Что ж тут хорошего? Тоска смертная.

Да и совсем озвереть можно. Глотку друг другу готовы перегрызть.

— Да, такие звереют, — согласился Рослый. — Ни с кем и разговаривать по-человечески не хотят.

— Правда, с Ленни хлопот не оберешься, — сказал Джордж. — Но что делать, привык к нему, теперь уже не бросишь.

— Но Ленни не озвереет, — сказал Рослый. — Я же вижу, он не из таких.

— Конечно, не из таких, но все время попадает в беду, потому что соображает туго. Вот, скажем, в Уиде... — Джордж вдруг замолчал и замер с картой в руке. Он пристально посмотрел на Рослого. — Ты никому не скажешь?

— А что он натворил в Уиде? — спокойно спросил Рослый.

— Но ты никому не скажешь? Нет, конечно, нет.

— Что же он такого натворил в Уиде? — снова спросил Рослый.

— Ну, увидал он девчонку в красном платье. А этому идиоту если что понравится, тут же надо потрогать. Просто потрогать, только и всего. Вот он и протянул руку чтоб потрогать это красное платье, тут девчонка давай визжать, а Ленни со

страху и схватил ее, не знает, чего делать. Девчонка все визжит. Я был неподалеку, услышал ее визг и прибежал. Ленни уже вконец растерялся и все держит ее. Я выдернул из загородки жердину и огрел его по башке — только тогда отпустил. Так напугался, что намертво ей в платье вцепился. А ведь он сильный, как дьявол, сам видел.

Рослый спокойно, не мигая, смотрел на Джорджа. Он медленно кивнул.

— И что же дальше?

Джордж аккуратно уложил карты в ряд.

— Ну, девчонка побежала к судье и кричит, что ее изнасиловали. Мужики в Уиде собрались, чтоб изловить и линчевать Ленни. Пришлось нам до самого вечера отсиживаться в оросительной канаве среди камыша. Только головы высунули из воды. А ночью давай бог ноги.

Рослый немного помолчал.

— А он этой девчонке и впрямь ничего не сделал? — спросил наконец Рослый.

— Да нет же. Просто напугал и все. Я и сам напугался бы, если б он вдруг меня сгреб. Но он ей ничего не сделал. Только хотел потрогать ее красное платье, как вот теперь все время хочет гладить щенков.

— Он не злой, — сказал Рослый. — Я злых за

милю чую.

— Конечно, не злой. И сделает все, что я ему…

Тут вошел Ленни. Его синяя куртка была накинута на плечи, и он шагал, наклонившись вперед.

— Ну как, Ленни? — спросил Джордж. — Нравится тебе щенок?

Ленни ответил на одном дыхании:

— Он белый с коричневыми пятнами, как раз такого я и хотел.

Он пошел прямо к свой койке, лег, отвернулся к стене и подобрал колени.

Джордж аккуратно положил карты на стол.

— Ленни, — сказал он строго.

— А? Чего тебе, Джордж?

— Я ж тебе сказал, чтоб ты не смел приносить щенка сюда.

— Какого щенка, Джордж? У меня нету никакого щенка.

Джордж быстро подошел к Ленни, взял за плечо и заставил повернуться. Он протянул руку и вытащил крошечного щенка, которого Ленни прятал подле себя.

— Отдай мне его, Джордж.

— Ступай и положи щенка назад в ящик, — приказал Джордж. — Он должен спать со своей

матерью. Ты что, сгубить его хочешь? Он только вчера родился, а ты уже вынул его из ящика. Сейчас же неси назад, а не то я скажу Рослому, чтоб он его у тебя забрал.

Ленни умоляюще протянул руки к Джорджу.

— Дай, Джордж. Я отнесу его назад. Я не хотел сделать плохо, Джордж. Ей-ей, не хотел. Я только хотел его немножко погладить.

Джордж отдал ему щенка.

— Ладно. Живо тащи его в конюшню и больше не выноси оттуда. А то ты в два счета его придушишь.

Ленни торопливо вышел.

Рослый не двигался с места. Он посмотрел Ленни вслед.

— Господи! — сказал он. — Сущий ребенок, правда?

— Ребенок и есть. Мухи не обидит, только силы на десятерых. Теперь он ночевать уже не придет. Будет спать в конюшне около этого щенка. Ну да ладно, пускай. Там он никому не помешает.

На дворе стемнело. Вошел Огрызок и направился к своей койке; следом за ним плелась его старая собака.

— Привет, Рослый. Привет, Джордж. Вы что, не играли в подкову?

— Надоело — каждый вечер играем, — сказал Рослый.

— Ни у кого не найдется глотка виски, ребята? — спросил Огрызок. — У меня что-то живот разболелся.

— Нет, — сказал Рослый. — А то б я сам выпил, хотя у меня живот не болит.

— До того разболелся, мочи нет, — пожаловался Огрызок. — А все проклятая репа. Знал ведь, чем кончится, а съел.

Со двора, где сгущалась темнота, вошел толстяк Карлсон. Он прошел в дальний конец барака и зажег вторую лампочку под жестяным абажуром.

— Тьма кромешная, — сказал он. — Вот черт, до чего этот черномазый ловко играет.

— Да, играет он лихо.

— Еще бы, — сказал Карлсон. — Никому выиграть не дает... — Он замолчал, потянул носом воздух и, все еще принюхиваясь, поглядел на старую собаку. — Черт, до чего ж псиной разит. Выгони ее отсюдова, Огрызок! Хуже нет, когда псиной воняет. Гони ее, тебе говорят.

Старик пододвинулся к краю койки. Он протянул руку, потрепал собаку по голове и сказал виновато:

— Она у меня давно, и совсем я не замечал, чтоб

от нее воняло.

— Вот что, я ее здесь терпеть не стану, — сказал Карлсон. — Эта вонь остается надолго. — Он тяжелыми шагами подошел к собаке и поглядел на нее. — Зубов нет, — сказал он, — лапы от ревматизма не гнутся. На кой она тебе сдалась? Ведь она самой себе в тягость. Почему ты ее не пристрелишь?

Старик беспокойно заерзал на койке.

— Ну уж нет! Она у меня давно. Я взял ее еще щенком. Она помогала мне пасти овец, стерегла стадо, — сказал он с гордостью. — Теперь на нее поглядеть, не поверишь, но это была лучшая овчарка в округе.

— Я знавал одного человека в Уиде, — сказал Джордж. — У него был эрдель-терьер, который пас овец. Научился у других собак.

Но от Карлсона нелегко было отделаться.

— Слышь, Огрызок, эта старая сука только зря мучается. Выведи ее во двор и выстрели прямо в башку, — он наклонился и показал куда, — вот в это место, она даже не поймет, что произошло.

Огрызок посмотрел на него грустным взглядом.

— Нет, — сказал он тихо. — Не могу. Ведь она у меня так давно.

— Ей самой свет не мил, — настаивал Карлсон. — И воняет от нее так, что просто ужас. Ну ладно. Хочешь, я сам ее пристрелю? Избавлю тебя.

Старик спустил ноги с койки, взволнованно поскреб седую щетинистую щеку.

— Но ведь это просто жестоко смотреть, как она мучается, — сказал Карлсон. — Послушай, у Рослого как раз сука ощенилась. Он даст тебе щенка, правда, Рослый?

Рослый спокойно рассматривал старую собаку.

— Да, — сказал он. — Хочешь, бери щенка. — Он продолжал все живее: — А знаешь, Карлсон прав. Эта собака сама себе в тягость. Ежели я стану таким вот дряхлым калекой, уж лучше пускай меня кто-нибудь пристрелит.

Огрызок беспомощно посмотрел на него, потому что слово Рослого — закон на ранчо.

— Но ведь ей будет больно, — сказал он неуверенно. — А я согласен о ней заботиться.

— Пристрелю так, что она и боли не почувствует. Прицелюсь вот сюда, — сказал Карлсон. Он указал ногой. — Прямо в башку. Она и не рыпнется.

Огрызок переводил взгляд с одного лица на другое — искал поддержки. На дворе уже совсем стемнело. Вошел молодой работник. Плечи

пригорбились, шагал он тяжело, словно нес невидимый мешок с зерном. Он подошел к своей койке и бросил шляпу на полку. Потом взял измятый журнал и положил на стол под лампочку.

— Я тебе не показывал, Рослый? — спросил он.

— Что такое?

Вошедший перелистал журнал и ткнул пальцем:

— Читай вот здесь. — Рослый склонился над журналом. — Вслух давай.

— «Уважаемый редактор, — медленно начал Рослый, — я читаю ваш журнал уже шесть лет и уверен, что он самый лучший. Мне нравятся рассказы Питера Ранда. По-моему, он ловко заливает. Печатайте побольше таких штук, как „Черный всадник“. Я не мастак писать письма. Просто решил сообщить всем, что за ваш журнал не жалко отдать пять центов». — Рослый удивленно поднял голову. — Для чего это было читать? — Дальше, — сказал Уит. — Прочти подпись внизу. Рослый прочел: — «Желаю успеха. Уильям Теннер». Он снова взглянул на Уита. — Так для чего ж это было читать? Уит с важным видом закрыл журнал.

— Неужто ты не помнишь Билла Теннера? Он работал здесь месяца три назад.

Рослый задумался.

— Такой маленький? — спросил он. — Работал на пашне?

— Во-во, он самый! — воскликнул Уит.

— Так ты думаешь, это он написал?

— Я знаю в точности. Как-то раз сидели мы с Биллом здесь, в этой самой комнате. У Билла был свежий номер журнала. Сидит он, читает и, не поднимая головы, говорит: «Я написал письмо в редакцию. Интересно, поместили его или нет?» Но письма там не было. Билл и говорит: «Может, они его еще поместят». Так и вышло. Вот оно.

— Верно, — сказал Рослый. — Вот оно, в журнале.

Джордж протянул руку.

— Можно поглядеть?

Уит снова отыскал нужную страницу, но журнала не отдал. Он ткнул в письмо пальцем. Потом пошел к своей полке и бережно положил туда журнал.

— Любопытно знать, видал ли это сам Билл? — сказал он. — Мы с ним работали вместе на гороховом поле. Билл славный малый.

Карлсон не принимал участия в разговоре. Он все глядел на старую собаку. Огрызок с беспокойством следил за ним. Наконец Карлсон сказал:

— Хочешь, я избавлю ее от страданий сейчас же. И дело с концом. Ничего другого не остается. Жрать она не может, не видит ничего, даже ходить ей больно.

— Но ведь у тебя нет пистолета, — сказал старик с надеждой.

— Как бы не так. Есть, «люгер». Ей не будет больно.

— Может, лучше завтра… Обождем до завтра, — сказал Огрызок.

— А чего ждать? — сказал Карлсон. Он подошел к своей койке, вытащил из-под нее мешок, достал пистолет.

— Надо покончить сразу, — сказал он. — От нее так воняет, спать невозможно.

Он сунул пистолет в боковой карман.

Огрызок бросил на Рослого долгий взгляд, надеясь, что тот заступится. Но Рослый молчал. Тогда Огрызок сказал тихо и безнадежно:

— Ну уж ладно, веди.

На собаку он даже не взглянул. Снова улегся на койку, заложил руки за голову и стал глядеть в потолок.

Карлсон вынул из кармана короткий кожаный ремешок. Он нагнулся и надел ремешок на шею собаки. Все, кроме Огрызка, следили за ним.

— Пошли, милая. Пошли, — сказал он ласково. А потом, как бы извиняясь, обратился к Огрызку: — Она ничего и не почувствует.

Старик не ответил и даже не пошевелился. Карлсон дернул за ремешок.

— Пошли, милая.

Собака с трудом встала и пошла за Карлсоном.

— Слышь, Карлсон, — сказал Рослый.

— А?

— Ты знаешь, что надо сделать?

— О чем это ты?

— Возьми лопату, — отрывисто обронил Рослый.

— Ну, само собой. Понял.

И он вывел собаку в темноту.

Джордж подошел к двери, закрыл, осторожно опустил щеколду. Огрызок недвижно лежал на койке и глядел в потолок.

Рослый громко сказал:

— Там у одного мула копыто треснуло. Надо замазать смолой.

Он замолчал. Снаружи было тихо. Шаги Карлсона замерли. В бараке тоже стало тихо. Тишина затягивалась.

Джордж засмеялся.

— А ведь Ленни сейчас в конюшне со своим

щенком. Он теперь сюда и войти не захочет, раз у него щенок есть.

— Огрызок, — сказал Рослый. — Ты можешь взять щенка, какого захочешь.

Старик не ответил. Снова наступила тишина. Она словно выползла из ночной тьмы и заполонила барак.

Джордж сказал:

— Никто не хочет перекинуться в картишки?

— Я бы, пожалуй, сыграл, — сказал Уит.

Они сели за стол, под лампочку, друг против друга, но Джордж не стасовал карты. Он беспокойно забарабанил пальцами по краю стола, и на этот негромкий стук обернулись. Джордж перестал стучать. Снова стало тихо. Прошла минута, другая. Огрызок лежал неподвижно, глядя в потолок. Рослый посмотрел на него, опустил глаза и уставился на свои руки; одной ладонью он прикрыл другую. Из-под пола раздался негромкий скребущий звук, и все сразу повернули головы. Только Огрызок по-прежнему смотрел в потолок.

— Похоже, крыса, — сказал Джордж. — Надо поставить крысоловку.

Уит наконец не выдержал:

— И чего он там возится? Ну, сдавай же карты! Этак мы ни одного кона не сыграем.

Джордж собрал карты и принялся их рассматривать. Снова стало тихо.

Вдали хлопнул выстрел. Все быстро взглянули на старика. Головы разом повернулись в его сторону.

Еще мгновение он продолжал смотреть в потолок. Потом, не сказав ни слова, медленно повернулся лицом к стене.

Джордж быстро стасовал карты и сдал. Уит пододвинул к нему грифельную доску для записи очков и фишки. Он сказал:

— Кажись, вы, ребята, и в самом деле пришли сюда работать?

— Как так? — спросил Джордж с недоумением.

Уит насмешливо хмыкнул.

— Ну, ведь пришли-то вы в пятницу. Два дня придется работать, до воскресенья.

— Не понимаю, — сказал Джордж.

Уит снова хмыкнул.

— Должен понимать, ежели бывал на больших ранчо. Кто хочет приглядеться, приходит в субботу, под вечер. Он ужинает, да в воскресенье еще три раза поест, а в понедельник утром может позавтракать и уйти, палец о палец не ударив. Но вы пришли в полдень в пятницу. Как ни крути, а выходит — полтора дня.

Джордж спокойно посмотрел на него.

— Мы хотим здесь остаться на некоторое время, — сказал он. — Нам с Ленни надо подработать.

Дверь тихо приотворилась, и в щель просунулась голова конюха. Это была черная голова с печальным изможденным лицом и покорными глазами.

— С вашего позволения, Рослый…

Рослый отвел глаза от старика.

— А? Это ты, Горбун? Тебе чего?

— Вы мне велели растопить смолу, чтоб замазать копыто мула. Так я уже растопил.

— Да, понятно, Горбун. Сейчас приду и все сделаю.

— Ежели хотите, я сам сделаю.

— Нет, нет.

Он встал.

— И вот еще чего, — сказал Горбун.

— Да?

— Этот верзила, новичок, возится в конюшне с вашими щенками.

— Не беда, он им ничего не сделает. Я ему подарил одного.

— Я все же подумал, надо сказать, — продолжал Горбун. — Он их вынимает из ящика и держит в

руках. Это им вредно.

— Ничего он им не сделает, — повторил Рослый. — Ну, пошли.

Джордж поднял голову.

— Если этот болван там мешает, вышвырни его вон, Рослый, — вот и все.

Рослый вслед за конюхом вышел из барака.

Джордж сдал карты, Уит взял свои, посмотрел.

— Видал новую куколку? — спросил он.

— Какую куколку? — удивился Джордж.

— Ну, новую супружницу Кудряша.

— Да, видал.

— Ну что, разве не красавица?

— Не разглядел, — сказал Джордж.

Уит с таинственным видом положил карты.

— Так вот, не зевай, гляди в оба. Тогда много кой-чего разглядишь. Она ничего и не скрывает. Я такой еще никогда не видал. Всем мужикам глазки строит. Небось, даже и конюху. И какого дьявола ей не хватает?

— А что, тут уже из-за нее заварилась каша? — спросил Джордж как бы невзначай.

Было ясно, что Уита карты не интересуют. Он уронил руку на стол, и Джордж, отобрав у него карты, стал раскладывать пасьянс: семь карт и шесть сверху, а поверх еще пять.

Уит сказал:

— Понятно, об чем ты спрашиваешь. Нет, еще ничего не было. Кудряш бесится, только и всего, но едва ребята с работы вернутся, она уж тут как тут. Ищет, мол, мужа или забыла что-то. Похоже, ее здорово тянет к мужчинам. А Кудряш так и кипит, но покуда сдерживается.

— Она еще наделает делов, — сказал Джордж. — Из-за нее не миновать заварухи. В два счета угодишь за решетку. Я думаю, у Кудряша хватает прихвостней. На ранчо одни мужики, не место здесь молодой женщине, особенно такой.

— Хочешь, поедем завтра вечером с нами в город, — предложил Уит.

— А на кой шут? Чего там делать?

— Как всегда, заглянем к старухе Сузи. Веселое местечко. Сама старушенция такая потешная — всегда отмочит какую-нибудь шутку. Вот, скажем, в прошлую субботу пришли мы к ее парадной двери. Сузи отворяет дверь и кричит: «Девочки, скорей одевайтесь, шериф приехал!» Но ни одного скверного слова, ни-ни. У нее там пять девочек.

— А во сколько это обходится? — спросил Джордж.

— Два с полтиной. И порция виски — еще два-

дцать центов. У Сузи есть удобные кресла, можно и просто так посидеть, пропустить стаканчик-другой и приятно провести время. Сузи никогда не против. Она никого не торопит и не выставляет за дверь, ежели гость не хочет девушки.

— Надо будет сходить с вами, поглядеть, — сказал Джордж.

— Конечно, пойдем. Можно хорошо поразвлечься — одни шуточки ее чего стоят. Как это она сказала один раз: «Есть, говорит, такие хозяйки, которые на полу тряпку расстелят, лампу с голой бабой поставят на граммофон и думают, будто у них заведение». Это она про Клару. А еще она говорит: «Я знаю, что вам, ребята, требуется, — говорит. — Мои девочки чистые, — говорит, — и виски я не разбавляю. А ежели кто желает поглядеть на похабную лампу да обжечь крылышки, так вы дорогу знаете». И еще она говорит: «Кое-кто совсем окривел, на эту лампу глядючи…»

— У Клары, стало быть, другой такой же дом, так, что ли? — спросил Джордж.

— Ну да, — ответил Уит. — Но мы туда не ходим. Клара берет три доллара за девочку и тридцать пять центов за виски, и шутить она не умеет. А у Сузи чистота и удобные кресла, и она не пущает к себе всяких проходимцев.

— Нам с Ленни надобно деньжат скопить, — сказал Джордж. — Я бы пошел с вами, посидел, выпил, но отдать два с половиной доллара никак не могу.

— Ну, надо же развлечься хоть иногда, — сказал Уит. Дверь отворилась, и вошли Ленни с Карлсоном. Ленни прокрался к своей койке, сел, стараясь не привлекать внимания. Карлсон полез под койку и вытащил мешок. Он не смотрел на Огрызка, который все еще лежал, отвернувшись к стене. Карлсон нашарил в мешке шомпол и баночку с ружейным маслом. Он положил их на койку, достал пистолет, вынул обойму, вытряхнул патрон. Потом стал чистить ствол шомполом. Когда затвор щелкнул, Огрызок повернулся и посмотрел на пистолет, потом снова отвернулся к стене.

— Кудряш не заходил? — спросил Карлсон как бы невзначай.

— Нет, — ответил Уит. — А что?

Карлсон посмотрел ствол на свет.

— Ищет свою красулю. Я видел, как он рыскал вокруг барака.

— Он всегда полдня ее ищет, — сказал Уит с насмешкой. — А вторые полдня она ищет его.

В этот миг в барак ворвался Кудряш.

— Она сюда не заходила, — сказал Уит.

Кудряш грозно оглядел барак.

— А где Рослый?

— На конюшне, — сказал Джордж. — Ему надо замазать смолой копыто мулу.

Кудряш съежился.

— И давно он ушел?

— Минут десять.

Кудряш выскочил за дверь и побежал к конюшне.

Уит встал.

— Пойти, что ли, поглядеть, — сказал он. — Кудряш нарывается на драку, иначе не побежал бы. А ведь он ловкий как черт. Выступал в финале «Золотой перчатки». У него есть вырезки из газет. — Уит подумал немного. — Но все равно, лучше Рослого не трогать. От Рослого всего можно ждать.

— Он думает, что Рослый сейчас с его супружницей, так, что ли? — спросил Джордж.

— Похоже, — сказал Уит. — Но это, конечно, ерунда. Ни за что Рослый не станет с ней путаться. Но поглядеть на драку можно, ежели до нее дойдет. Пошли?

— Нет уж, я здесь останусь, — сказал Джордж. — Не хочу ни во что ввязываться. Нам с Ленни надо скопить деньжат.

Карлсон вычистил пистолет, положил его в мешок и засунул под койку.

— Пожалуй, пойду и я погляжу, — сказал он.

Старик лежал не шевелясь, а Ленни со своей койки с опаской поглядывал на Джорджа.

Когда Уит и Карлсон ушли и дверь за ними закрылась, Джордж повернулся к Ленни.

— Ты что от меня скрываешь?

— Я ничего не сделал, Джордж. Рослый говорит, что лучше пока не гладить щенков так долго. Рослый говорит, им это вредно. Вот я и ушел. Я хорошо себя вел, Джордж?

— Что ж, пожалуй, — сказал Джордж.

— Я не делал им больно. Я только посадил своего щенка на колени и гладил.

— А ты видел Рослого на конюшне? — спросил Джордж.

— Ну да, видел. Он сказал, чтоб лучше я не гладил больше щенка.

— А женщину ты видал?

— Супружницу Кудряша?

— Да. Она приходила на конюшню?

— Нет. Ее я не видал.

— И не видал, чтобы Рослый с ней разговаривал?

— Не. Ведь ее там не было.

— Ладно, — сказал Джордж. — Я думаю, ребята не допустят драки. А если будет драка, Ленни, ты держись в стороне.

— Я не хочу драться, — сказал Ленни.

Он встал с койки и сел к столу напротив Джорджа. Джордж по привычке стасовал карты и стал раскладывать пасьянс. Он делал это старательно, задумчиво, не спеша.

Ленни взял одну карту и стал рассматривать, потом перевернул и снова стал рассматривать.

— Так и так одинаково, — сказал он, — Джордж, почему так и так одинаково?

— Не знаю, — сказал Джордж. — Так уж их рисуют. А что Рослый делал на конюшне?

— Рослый?

— Ну да. Ты ведь видел его, и он не велел тебе больше гладить щенков.

— А-а. Он принес банку со смолой и кисть. Не знаю зачем.

— И ты уверен, что эта женщина не приходила в конюшню, как, к примеру, нынче сюда?

— Уверен.

Джордж вздохнул.

— Нет, уж лучше — бардак, — сказал он. — Туда можно пойти, выпить, получить все, что требуется, безо всякого шума. И заранее известно,

во сколько это влетит. А с такой стервой враз за решетку попадешь.

Ленни внимательно слушал его и тихонько шевелил губами, повторяя про себя каждое слово. Джордж продолжал;

— Помнишь Энди Кашмена, Ленни? Он с нами в школе учился.

— И его мать еще пекла для детей пирожки? — спросил Ленни.

— Во-во. Он самый. Ты всегда запоминаешь, когда речь о жратве. — Джордж внимательно разглядывал карты. Он положил на грифельную доску туза, а сверху двойку, тройку и четверку бубен. — Энди сейчас в Сан-Квентинской тюрьме, а все из-за бабы, — сказал он.

Ленни забарабанил пальцами по столу.

— Джордж…

— Ну чего тебе?

— Джордж, а скоро у нас будет маленькое ранчо, и мы будем сами себе хозяева?.. И… заведем кроликов?

— Понятия не имею, — сказал Джордж. — Надо скопить деньжат. Я знаю ранчо, которое можно купить задешево, но даром его ведь не отдадут.

Огрызок медленно повернулся на койке. Глаза у него были широко раскрыты. Он пристально

посмотрел на Джорджа.

Ленни попросил:

— Расскажи мне про это ранчо, Джордж.

— Да ведь я только вчера рассказывал.

— Ну, расскажи… расскажи еще, Джордж.

— Так вот… там десять акров земли, — сказал Джордж. — Ветряная мельница. Маленький домик и курятник. А еще кухня, садик: вишни, яблоки, персики, орехи да всякая ягода. Есть место, где посеять люцерну, и много воды для полива. Есть свинарник…

— И кролики, Джордж!

— Крольчатника покуда нету, но нетрудно сделать несколько клеток, а кормить их можешь люцерной.

— Могу, конечно, могу! — подхватил Ленни. — Честное слово, могу!

Джордж перестал раскладывать пасьянс. Голос его постепенно теплел.

— А еще мы можем завести свиней. Я построю коптильню, вроде той, как у моего деда; заколем свинью, станем коптить сало и окорока, делать ветчину. А поднимутся по реке лососи, мы будем ловить их сотнями и засаливать или коптить. Будем есть их на завтрак. Нет ничего вкуснее копченой лососины. Когда поспеют фрукты, мы

станем заготовлять их впрок, и помидоры тоже, это очень легко. На воскресенье зарежем куренка или кролика. Может заведем корову или козу, и у нас будут такие густые сливки, что их хоть режь да ложкой ешь.

Ленни глядел на Джорджа, широко раскрыв глаза, и старик тоже глядел на него. Потом Ленни сказал тихо:

— Мы будем сами себе хозяева.

— А как же, — сказал Джордж. — У нас будут на огороде всякие овощи, а захотим выпить виски — продадим десяток-другой яиц, или немного молока, или еще чего-нибудь. Будем себе жить там, на своем ранчо. Не придется больше мыкаться и жрать стряпню какого-нибудь япошки. Врешь, брат, у нас свой дом есть, нам незачем спать в бараке.

— Расскажи про дом, Джордж, — попросил Ленни.

— Ну, само собой, у нас будет свой домик, и в нем удобная спальня. Пузатая железная печурка, зимой в ней завсегда будет гореть огонь. Земли на ранчо немного, так что спину гнуть особо не придется. Ну, разве что часов по шесть или семь в день. Не то что по одиннадцати часов ссыпать ячмень. Поспеет урожай, и мы его снимем. И

всегда будем знать, ради чего работали.

— А еще кролики, — сказал Ленни нетерпеливо. — Я буду их кормить. Расскажи про это, Джордж.

— Очень просто — пойдешь с мешком, накосишь люцерны. Набьешь мешок, принесешь люцерну и положишь кроликам в клетки.

— А они будут есть! — сказал Ленни. — Я видел, как кролики едят.

— Каждые полтора месяца, — продолжал Джордж, — они приносят приплод, так что нам хватит и для еды и на продажу. А еще заведем голубей, пусть летают вокруг мельницы, как у нас во дворе, когда я был ребенком. — Он мечтательно поглядел на стену поверх головы Ленни. — И все это будет наше, никто нас не выгонит. А если нам самим кто не понравится, мы скажем: «Скатертью дорога», и ему придется убраться. А для друга — что ж, для друга у нас завсегда найдется свободная койка, и мы скажем: «Отчего бы тебе у нас не заночевать?» — и он заночует. У нас будет собака, сеттер, и две полосатые кошки, но придется следить, чтоб не таскали крольчат.

Ленни взволнованно засопел.

— Пущай только попробуют. Я им все кости переломаю… я… я их палкой.

И он забормотал что-то под нос, угрожая несуществующим кошкам, посмей они тронуть несуществующих кроликов.

Джордж сидел, завороженный собственной выдумкой.

И когда Огрызок вдруг заговорил, оба вскочили, словно их поймали с поличным. Огрызок спросил:

— А у тебя и впрямь есть на примете такое ранчо?

Джордж насторожился.

— Ну, положим, есть, — ответил он. — А тебе-то что?

— Я не спрашиваю, где. Это не важно.

— Само собой, — сказал Джордж. — Уж будь спокоен… Тебе его и за сто лет не найти.

— А сколько надобно уплатить?

Джордж подозрительно взглянул на старика.

— Ну… можно сторговаться за шесть сотен. Старики хозяева совсем на мели, старуха больна, нужно ее оперировать. Но тебе-то что до этого? Мы сами по себе, в наши дела не лезь.

Огрызок сказал:

— Оно конечно, я однорукий, от меня пользы мало. Руки я лишился на этом вот самом ранчо. Потому меня и держат уборщиком. И уплатили

двести пятьдесят за руку. Да еще пятьдесят у меня накоплено, в банке лежат, готовенькие. Вот вам уже триста, а еще пятьдесят я получу в конце месяца. И я вам скажу… — Он всем телом подался вперед. — Может, возьмете меня? Моя доля — триста пятьдесят долларов. Само собой, пользы от меня немного, но я могу стряпать, смотреть за курами да копаться в огороде. Ну, как?

Джордж прищурился.

— Надобно подумать. Мы хотели купить ранчо только вдвоем…

Старик его перебил:

— Я напишу завещание и, когда помру, оставлю свою долю вам, потому как родичей у меня давным-давно нету. У вас, ребята, есть деньги? Может, купим это ранчо прямо сейчас?

Джордж с досадой сплюнул себе под ноги.

— У нас на двоих всего-то навсего десять долларов. — Потом добавил задумчиво: — Послушай, если мы с Ленни проработаем месяц и не потратим ни цента, у нас накопится сотня долларов. Вот уже четыреста пятьдесят. За эти деньги наличными старики наверняка уступят ранчо. Вы с Ленни устроитесь там и возьметесь за дело, а я подыщу себе место и заработаю остальное. А вы покудова будете продавать яйца, ну и прочее.

Все умолкли. Они смотрели друг на друга с удивлением. Они никогда не верили, что такое может сбыться. И Джордж сказал, едва дыша:

— Господи боже! Я уверен, что они уступят. — Он был ошеломлен. — Я уверен, что они уступят, — повторил он тихо.

Старик сел на край койки. От волнения он скреб ногтем культю.

— Меня искалечило четыре года назад, — сказал он. — Скоро меня отсюдова прогонят, вышвырнут, как только я не смогу подметать барак. Может, ежели я отдам вам, ребята, свои деньги, вы позволите мне копаться в саду, даже когда толку от меня никакого не будет, и я стану мыть посуду и смотреть за курами. Ведь я буду жить у себя дома и работать у себя, — сказал он с тоской. — Вы видели, чего они сделали нынче с моей собакой? Сказали, что от нее никому никакого прока да сама она себе в тягость. Когда меня выгонят… да лучше бы кто меня пристрелил. Но этого они не сделают. Мне некуда идти, и я нигде не найду работы. А пока вы, ребята, соберетесь купить ранчо, я получу еще тридцать долларов.

Джордж встал.

— Значит, решено! — сказал он. — Купим ранчо и будем там жить.

Он снова сел.

Теперь все сидели недвижно, завороженные заманчивой картиной, и мысли их уносились в будущее, к тем дням, когда все это свершится на деле.

Джордж сказал задумчиво:

— А когда в городе будет праздник, или бейсбольный матч, или приедет цирк, или еще чего… — Старик одобрительно кивнул. — Мы беспременно пойдем туда, — сказал Джордж. — Ни у кого не станем спрашиваться. Просто скажем: «Ну, двинули», — и двинем. Подоим корову, подбросим зерна курям и двинем.

— Но сперва зададим кроликам люцерны, — подхватил Ленни. — Я не позабуду их накормить. А когда это будет, Джордж?

— Через месяц. Обожди всего-навсего месяц. Знаешь, чего я сделаю? Напишу старикам, хозяевам ранчо, что мы его покупаем. А Огрызок пошлет сотнягу в задаток.

— Само собой, — сказал Огрызок. — А печь там хорошая?

— Печь что надо, можно топить хоть углем, хоть дровами.

— Щенка я тоже возьму, — сказал Ленни. — Ей-ей, ему там понравится.

Снаружи послышались голоса. Джордж быстро сказал:

— Но смотрите — молчок, никому ни слова. Только мы трое будем знать, больше никто. А то нас выгонят, и мы ничего не заработаем. Пусть думают, что мы собираемся всю жизнь ссыпать зерно, а в один прекрасный день возьмем свои денежки — и до свиданья.

Ленни и Огрызок кивнули, радостно улыбаясь.

— Смотри же, молчок, никому ни слова, — сказал сам себе Ленни.

— Джордж, — сказал Огрызок.

— Ну, чего тебе еще?

— Лучше бы мне самому пристрелить собаку, Джордж. Не надо было позволять чужому.

Дверь отворилась. Вошел Рослый, за ним Кудряш, Карлсон и Уит. У Рослого руки были в смоле, и он хмурился. Кудряш шел за ним по пятам.

— Я не хотел тебя обидеть, Рослый. Я просто так спросил, — сказал Кудряш.

— Уж больно часто об этом спрашиваешь, — отозвался Рослый. — Мне это давно уж осточертело. Не можешь уследить за своей вертихвосткой, а я виноват? Оставь-ка лучше меня в покое.

— Говорю же, просто так спросил, — повторил Кудряш. — Думал, может, ты ее видел.

— Велел бы ты ей сидеть дома, носа не высовывать, — сказал Карлсон. — А то позволяешь ей шляться по баракам. Глядишь, поднесет тебе подарочек, тогда поздно будет.

Кудряш круто повернулся к Карлсону.

— А ты не лезь не в свое дело, не то я тебя живо за дверь вышвырну.

Карлсон рассмеялся.

— Эх ты, молокосос несчастный, — сказал он. — Хотел запугать Рослого, и ни хрена у тебя не вышло. Он сам тебя запугал. Вон ты побелел весь. Мне начхать, что ты лучший боксер в округе. Попробуй меня хоть пальцем тронь, я из тебя дух вышибу.

Старик тут же его поддержал.

— Эх, рукавица вазелиновая, — сказал он презрительно.

Кудряш сверкнул на него глазами. Потом его взгляд скользнул в сторону и остановился на Ленни; а Ленни все еще радостно улыбался, думая о ранчо.

Кудряш, как собачонка, набросился на Ленни.

— Ну а ты какого хрена смеешься?

Ленни растерянно взглянул на него.

— Чего?

И тут Кудряш взорвался.

— Эй ты, дубина стоеросовая! Встать! Я никому не позволю надо мной надсмехаться! Я покажу, кто побелел со страху.

Ленни беспомощно поглядел на Джорджа, потом встал, намереваясь уйти. Но Кудряш не зевал. Он врезал Ленни левой, а потом сильным ударом правой расквасил ему нос. Ленни испуганно завопил. Из носа у него хлынула кровь.

— Джордж! — завопил Ленни. — Скажи, чтоб он отстал!

Он пятился до тех пор, покуда не уперся спиной в стену, а Кудряш наседал на него и бил по лицу. Руки Ленни беспомощно висели, как плети. Он был слишком перепуган и даже не защищался.

Джордж вскочил и крикнул:

— Дай ему, Ленни! Не позволяй себя бить!

Ленни прикрыл лицо ручищами и взвизгнул от страха. Он крикнул:

— Скажи, чтоб он перестал, Джордж!

Тут Кудряш ударил Ленни под ложечку, и у того перехватило дыхание.

Рослый вскочил.

— Скот вонючий! — крикнул он. — Я сейчас сам с ним разделаюсь.

Джордж схватил Рослого за плечо.

— Обожди! — крикнул он. Потом приложил

руки ко рту рупором: — Дай ему, Ленни.

Ленни отнял ладони от лица и поглядел на Джорджа, а Кудряш тем временем ударил его в глаз. Широкое лицо Ленни было залито кровью. Джордж крикнул снова;

— Дай ему, тебе говорят!

Кудряш снова занес кулак, но тут Ленни схватил его за руку. И Кудряш сразу затрепыхался, как рыба на крючке, кулак его исчез в огромной ручище Ленни. Джордж подбежал к нему через весь барак.

— А теперь отпусти, Ленни. Отпусти…

Но Ленни лишь смотрел со страхом на трепыхавшегося человечка. Кровь текла у него по лицу, глаз был подбит. Джордж влепил ему пощечину, потом другую, но Ленни все не разжимал руку. Кудряш весь побелел и скрючился. Он трепыхался все слабее, но отчаянно вопил — кулак его по-прежнему был зажат в руке Ленни.

А Джордж все кричал:

— Отпусти его, Ленни! Отпусти! Рослый, да помоги же, не то он вовсе без руки останется.

Вдруг Ленни разжал пальцы. Он присел у стены на корточки, чтоб быть как можно незаметнее.

— Ты сам мне велел, Джордж, — сказал он жалобно.

Кудряш сел на пол, с удивлением глядя на свою изувеченную руку. Рослый и Карлсон наклонились над ним. Потом Рослый выпрямился и с опаской взглянул на Ленни.

— Надо свезти Кудряша к доктору, — сказал он. — Похоже, кости переломаны.

— Я не хотел! — крикнул Ленни. — Я не хотел сделать ему больно.

Рослый распорядился:

— Карлсон, запрягай лошадей. Надо свезти Кудряша в Соледад, там вылечат.

Карлсон выбежал на двор. Рослый повернулся к скулящему Ленни.

— Ты не виноват, — сказал он. — Этот сопляк сам полез на рожон. Только он и вправду чуть без руки не остался.

Рослый поспешно вышел и тут же вернулся с жестянкой воды, дал Кудряшу попить.

Джордж сказал:

— Ну что, Рослый, теперь нас беспременно выгонят? А ведь нам деньги позарез нужны. Как думаешь, выгонит нас папаша Кудряша?

Рослый криво усмехнулся. Он опустился на колени подле пострадавшего.

— Ты еще не отключился? Слышишь, что говорю? — спросил он. Кудряш кивнул. — Так

вот, — продолжал Рослый. — Рука у тебя попала в машину. Ежели ты никому не скажешь, как дело было, мы тоже не скажем. А ежели скажешь и потребуешь, чтобы этого малого выгнали, мы всем расскажем, и над тобой будут смеяться.

— Я не скажу, — простонал Кудряш. На Ленни он избегал смотреть.

Во дворе затарахтели колеса. Рослый помог Кудряшу встать.

— Ну, пошли. Карлсон свезет тебя к доктору.

Он вывел Кудряша за дверь. Тарахтенье колес замерло вдали. Рослый вернулся в барак. Он поглядел на Ленни. Тот все еще жался к стене.

— Покажи-ка руки, — сказал он.

Ленни вытянул руки.

— Боже праведный, не хотел бы я, чтоб ты на меня осерчал, — сказал Рослый.

Тут в разговор вмешался Джордж.

— Ленни просто испугался, — объяснял он. — Не знал, чего делать. Я всем говорил, его нельзя трогать. Или нет, кажется, я это говорил Старику.

Огрызок кивнул с серьезным видом.

— Да, говорил, — сказал он. — Нынче же утром, когда Кудряш в первый раз напустился на твоего друга, ты сказал: «Лучше пусть не трогают Ленни, ежели себе зла не желают». Так и сказал.

Джордж повернулся к Ленни.

— Ты не виноват, — сказал он — Не бойся. Ты сделал то, что я тебе велел. Иди-ка вымой лицо. А то бог знает, на кого похож.

Ленни скривил в улыбке разбитые губы.

— Я не хотел ничего такого, — сказал он.

Он пошел к двери, но, не дойдя до нее, обернулся.

— Джордж…

— Чего тебе?

— Ты позволишь мне кормить кроликов, Джордж?

— Само собой. Ведь ты ни в чем не виноват.

— Я не хотел ничего плохого, — сказал Ленни.

— Ну ладно. Ступай умойся.

* * *

Конюх Горбун жил при конюшне, в клетушке, где хранилась упряжь. В одной стене этой клетушки было квадратное, с четырьмя маленькими стеклами оконце, в другой — узкая дощатая дверь, которая вела в конюшню. Кроватью служил длинный ящик, набитый соломой и прикрытый сверху одеялами. У окошка были вколочены гвозди, на них висела рваная сбруя, которую Горбун должен был чинить, и полосы новой кожи; под

окошком стояла низенькая скамеечка, на ней — шорный инструмент, кривые ножи, иглы, мотки шпагата и маленький клепальный станок. По стенам тоже была развешана упряжь — порванный хомут, из которого вылезал конский волос, сломанный крюк от хомута и лопнувшая постромка. На койке стоял ящичек, в котором Горбун держал пузырьки с лекарствами для себя и для лошадей. Здесь и коробки с дегтярным мылом, и прохудившаяся жестянка со смолой, из которой торчала кисть. По полу валялись всякие пожитки; в своей каморке Горбун мог не прятать вещи, а за долгие годы он накопил больше добра, чем мог бы снести на себе.

У Горбуна имелось несколько пар башмаков, пара резиновых сапог, большой будильник и старый одноствольный дробовик. А еще книги: истрепанный словарь и рваный томик гражданского кодекса Калифорнии 1905 года издания, старые журналы, и на специальной полке над койкой стояли еще какие-то книги. Большие очки в золоченой оправе висели рядом на гвозде.

Каморка была чисто подметена. Горбун — гордый, независимый человек, — сторонился людей и держал их от себя на почтительном расстоянии. Из-за горба все тело у него было перекошено в

левую сторону; блестящие глубоко посаженные глаза смотрели пристально и остро. Худое, черное лицо избороздили глубокие морщины; губы, тонкие, горестно сжатые, были светлее кожи на лице.

Уже наступил субботний вечер. Из-за открытой двери на конюшню слышались удары копыт, хруст сена, позвякивание цепочек.

Маленькая электрическая лампочка скупо освещала каморку желтоватым светом.

Горбун сидел на койке. В одной руке он держал склянку с жидкой мазью, а другой, задрав на спине рубашку, натирал себе хребет. Время от времени он капал мазью на розовую ладонь, потом лез рукой под рубашку и тер спину. Поеживался, вздрагивал.

На пороге бесшумно появился Ленни и остановился, озираясь. Его широкая фигура совсем заслонила дверной проем. Сперва Горбун этого не заметил, потом поднял голову и сердито уставился на незваного гостя. Он выпростал руку из-под рубашки.

Ленни робко и дружелюбно улыбнулся.

Горбун сказал сердито:

— Ты не имеешь права сюда входить. Это моя комната. Никто, кроме меня, не смеет сюда вхо-

дить.

Ленни проглотил слюну, и улыбка его стала подобострастной.

— Я ничего. Просто пришел поглядеть своего щенка. И увидал здесь свет, — объяснил он.

— Я имею полное право зажигать свет. Уходи из моей комнаты. Меня не пускают в барак, а я никого не пускаю сюда.

— Но почему же вас не пускают? — спросил Ленни.

— Потому что я негр. Они там играют в карты, а мне нельзя, потому что я негр. Они говорят, что от меня воняет. Так вот что я тебе скажу: по мне, от вас воняет еще пуще.

Ленни беспомощно развел ручищами.

— Все уехали в город, — сказал он. — И Рослый и Джордж — все. Джордж велел мне оставаться здесь и вести себя хорошо. А я увидал свет.

— Ну ладно, тебе чего?

— Ничего… Просто я увидал свет. И подумал, что можно зайти и посидеть.

Горбун поглядел на Ленни, протянул руку, снял с гвоздя очки, нацепил на нос и снова поглядел на Ленни.

— Никак не пойму, чего тебе здесь надо, в конюшне, — сказал он с недоумением. — Ты

не возчик. А тем, кто ссыпает зерно в мешки, незачем сюда и заходить. На что тебе сдались лошади?

— Я пришел поглядеть щенка, — снова объяснил Ленни.

— Ну и гляди своего щенка. Да не суйся, куда тебя не просят.

Улыбка исчезла с лица Ленни. Он перешагнул порог, потом сообразил, что ему говорят, и снова попятился к двери.

— Я уже поглядел. Рослый сказал, чтоб я не гладил его долго.

— Ты все время вынимал его из ящика, — сказал Горбун. — Удивительно, что сука не перенесла их куда-нибудь в другое место.

— Ну, она смирная. Позволяет мне его брать.

Ленни снова вошел в дверь.

Горбун нахмурился, но улыбка Ленни его обезоружила.

— Ладно, заходи да посиди со мной малость, — сказал Горбун. — Нечего столбом стоять, садись уж, так и быть. — Тон его стал дружелюбней. — Стало быть, все уехали в город?

— Все, кроме Огрызка. Он сидит в бараке. Чинит карандаш и считает.

Горбун поправил очки.

— Считает? Что же это он считает?

— Кроликов! — почти закричал Ленни.

— Ты вконец спятил. Каких таких кроликов?

— Кроликов, которые у нас будут, и я стану кормить их, косить для них траву и носить воду.

— Ты спятил, — повторил Горбун. — Ясно, почему твой дружок от тебя отдохнуть решил.

Ленни сказал тихо:

— Я вам правду говорю. Купим маленькое ранчо, и будет нас земля кормить.

Горбун поудобнее устроился на койке.

— Садись, — сказал он. — Вот сюда, на бочонок из-под гвоздей.

Ленни, скрючившись, сел на низкий бочонок.

— Вы мне не верите, — сказал Ленни. — Но это правда. Чистая правда, спросите у Джорджа.

Горбун подпер розоватой ладонью черный подбородок.

— Ты повсюду с Джорджем ездишь, да?

— А как же! Мы с ним всегда вместе.

— Иногда он говорит, а ты не можешь взять в толк, об чем, — продолжал Горбун. — Верно? — Он наклонился вперед, вперив в Ленни острый взгляд. — Верно?

— Да… иногда.

— Он говорит, а ты в толк не можешь взять,

об чем?

— Да… иногда… Но не всегда…

Горбун еще больше наклонился вперед, сдвинувшись, на край койки.

— Ты не подумай, будто я из южных негров, — сказал он. — Родился здесь, в Калифорнии. У моего отца было ранчо — акров десять земли, он там кур разводил. К нам приходили играть белые дети, и я иногда играл с ними. Среди них попадались и добрые. Моему старику это не нравилось. Я долго не мог смекнуть, почему. Но теперь-то знаю. — Он замолчал в нерешительности, а когда снова заговорил, голос его зазвучал мягче. — На много миль вокруг нашего ранчо ни одной негритянской семьи. И здесь, на этом ранчо, кроме меня, нету ни одного негра, и в Соледаде только одна семья. — Он засмеялся. — Мало ли чего черномазый наговорит, невелика важность.

— А как вы думаете, — спросил Ленни, — скоро щенков можно гладить?

Горбун снова засмеялся.

— Да уж, что тебе ни скажи, дальше не пойдет. Ну, через неделю-другую щенки подрастут. А Джордж себе на уме. Говорит, а ты ничегошеньки не понимаешь. — В волнении он подался вперед. — Тебе все это черномазый толкует, чер-

номазый горбун. Нечего и внимание обращать, понял? Да ты все одно ничего не запомнишь. Я видел такое многое множество раз, даже счет потерял — один разговаривает с другим, и ему все едино, слышит ли тот, понимает ли. И так всегда, разговаривают ли они или же сидят молча. Это все едино, все едино. — Мало-помалу придя в волнение, он хлопнул себя по колену. — Джордж может болтать тебе всякую чепуху, все что угодно. Ему важно лишь, что есть с кем поговорить. Просто надо, чтоб кто-то был рядом. Только и делов.

Он замолчал. Потом заговорил тихо и уверенно:

— А что, ежели Джордж не приедет? Ежели он забрал свои пожитки и больше никогда не вернется? Что тогда?

Наконец до Ленни дошел смысл.

— Как это так? — спросил он.

— Я говорю — а что, ежели Джордж уехал нынче в город, а там — поминай как звали. — Горбун, казалось, торжествовал. — Что тогда? — повторил он.

— Не может быть! — крикнул Ленни. — Джордж нипочем этого не сделает. Мы с ним давно вместе. Он вернется… — Но он уже поддался сомнению. — А вы думаете он может не вернуться?

Горбун усмехнулся, злорадствуя над его отчаяньем.

— Никто не знает наперед, чего человек может сделать, — сказал он невозмутимо. — Иной раз он, положим, и хотел бы вернуться, да не его воля. Вдруг его убьют или ранят, тогда уж он никак не сможет вернуться.

Ленни мучительно пытался понять его слова.

— Джордж этого не сделает, — повторил он. — Джордж осторожный. Его не ранят. Его ни разу не ранили, потому как он очень осторожный.

— Ну, а вдруг он не вернется. Что ты тогда будешь делать?

Лицо Ленни исказилось от напряжения.

— Не знаю. А к чему вы это? — крикнул он. — Это неправда! Джорджа не ранили.

Горбун пристально поглядел на Ленни.

— Хочешь, я скажу тебе, чего тогда будет? Тебя схватят и упекут в психушку. Наденут на тебя ошейник, как на собаку.

Глаза Ленни вдруг помутились, в них сквозила ярость. Он встал и грозно шагнул к Горбуну.

— Кто это ранил Джорджа? — спросил он.

Горбун сразу осознал опасность. Он отодвинулся.

— Я просто так говорю — а вдруг его ранили, —

сказал он. — Джорджа никто не трогал. Он цел и невредим. Он вернется.

Ленни стоял над Горбуном.

— Зачем тогда говорить — а вдруг? Никто не смеет говорить, что тронет Джорджа.

Горбун снял очки и потер ладонью глаза.

— Садись, — сказал он. — Джорджа никто не трогал.

Ленни с ворчанием снова уселся на бочонок.

— Никто не смеет говорить, что тронет Джорджа, — повторил он.

Горбун сказал терпеливо:

— Может, теперь ты наконец сообразишь самую малость. У тебя есть Джордж. Ты знаешь, что он вернется. Ну, а ежели предположить, что у тебя никого нету. Предположим, ты не можешь пойти в барак и сыграть в карты, потому что ты негр. Понравилось бы тебе? Предположим, пришлось бы сидеть здесь и читать книжки. Само собой, покуда не стемнеет, ты мог бы играть в подкову, но потом пришлось бы читать книжки. Только книжки не помогают. Человеку нужно, чтоб кто-то живой был рядом. — Голос Горбуна звучал жалобно. — Можно сойти с ума, ежели у тебя никого нету. Пускай хоть кто-нибудь, лишь бы был рядом. Я тебе говорю! — крикнул он. — Я

тебе говорю: жить в одиночестве очень тяжко!

— Джордж вернется, — испуганно уговаривал Ленни сам себя. — Может, он уже вернулся. Пойду погляжу.

Горбун сказал:

— Я не хотел тебя стращать. Он вернется. Это я про себя говорил. Сидишь тут один по вечерам, читаешь книжки, или думаешь, или еще чем займешься. Иногда сидишь вот так, один-одинешенек, задумаешься, и некому тебе сказать, что правильно, а что нет. Или увидишь чего, но знать не знаешь, хорошо это или плохо. И нельзя обратиться к другому человеку да спросить, видит ли он то же самое. Ничего не поймешь. И объяснить некому. Мне здесь такое привиделось! И не был я пьян. Может, во сне приснилось. Будь рядом со мной кто, он бы сказал мне, спал я или нет, и тогда все стало бы ясно. А так я просто ничего не знаю.

Горбун смотрел в окно.

Ленни сказал с тоской:

— Джордж меня не бросит. Я знаю, никогда не бросит.

Горбун продолжал задумчиво:

— Помню, как я еще ребенком жил у своего старика на ранчо, он там кур разводил. Росло нас трое братьев. Мы никогда не расставались, ни-

когда. Спали в одной комнате, на одной кровати — все трое. А в саду у нас клубника росла, на лугу — люцерна. Помню, в погожее утро мы чуть свет выпускали кур на этот самый луг. Мои братья садились верхом на загородку и присматривали за ними, а куры все до единой белые.

Постепенно Ленни заинтересовался.

— Джордж говорит, что у нас будет люцерна для кроликов.

— Для каких кроликов?

— У нас будут кролики и ягоды.

— Ты спятил.

— Будут. Спросите сами у Джорджа.

— Ты спятил, — снова сказал Горбун с презрением. — Я видывал, как сотни людей приходили на ранчо с мешками, и головы у них были набиты таким же вздором. Сотни людей приходили и уходили, и каждый мечтал о клочке земли. И ни хрена у них не вышло. Ни хрена. Всякий хочет иметь свой клочок земли. Я здесь много книжек перечитал. Никому не попасть на небо, и никому не видать своей земли. Все это одно только мечтанье. Люди беспрерывно об этом говорят, но это одно только мечтанье.

Он замолчал и поглядел на распахнутую дверь, потому что лошади беспокойно зашевелились и

уздечки звякнули. Послышалось ржанье.

— Кажется, кто-то пришел, — сказал Горбун. — Может, Рослый. Иногда он заходит сюда раза два, а то и три за вечер. Таких возчиков поискать. Редкий хозяин о своей скотинке так заботится.

Горбун с трудом встал и подошел к двери.

— Это вы, Рослый? — спросил он.

Отозвался Огрызок:

— Рослый в город уехал. Скажи, ты, случаем, не видал Ленни?

— Это ты про того здоровенного малого спрашиваешь?

— Да. Не видал его?

— Здесь он, — бросил Горбун отрывисто. Потом вернулся к койке и лег.

Огрызок остановился на пороге, поскреб культю и сощурился от света.

Внутрь он не вошел.

— Слышь, Ленни. Я тут все думал о кроликах…

— Можешь войти, ежели хочешь, — проворчал Горбун.

Старик даже сконфузился.

— Не знаю, право слово. Ежели ты, конечно, позволишь…

— Входи. Уж коли другие входят, стало быть, можно и тебе. — Горбун с трудом скрыл свою

радость под сердитой гримасой.

Огрызок вошел, все еще конфузясь.

— А у тебя тут уютненько, — сказал он Горбуну. — Наверно, хорошо иметь отдельную комнатенку.

— Ясное дело, — сказал Горбун. — И навозную кучу под окном. Чего уж лучше.

— Говори о кроликах, — вмешался Ленни.

Огрызок прислонился к стене подле висевшего на ней рваного хомута и снова поскреб культю.

— Я здесь уже давно, — сказал он. — И Горбун тоже. А ведь я в первый раз в этой клетушке.

— Кто ж заходит в жилище черномазого, — хмуро сказал Горбун. — Сюда никто не заходит, окромя Рослого. Он, да еще хозяин, а больше — никто.

Старик поспешно переменил разговор.

— Рослый — лучший возчик на всем белом свете.

Ленни наклонился к Огрызку.

— Говори о кроликах, — потребовал он.

Огрызок улыбнулся.

— Я все обмозговал. Ежели с умом взяться за дело, можно заработать и на кроликах.

— Но я буду их кормить, — перебил его Ленни. — Джордж так сказал. Он обещал мне.

Горбун грубо вмешался в разговор:

— Вы, ребята, просто сами себя дурачите. Болтаете чертову пропасть, но все одно своей земли вам не видать. Ты будешь тут уборщиком, Огрызок, покуда тебя не вынесут ногами вперед. Да, многих я тут перевидал. А Ленни недели через две или три возьмет расчет да уйдет. Эх, всякий только об землице и думает.

Огрызок сердито потер щеку.

— Можешь быть уверен, у нас все будет. Джордж так сказал. У нас уже и денежки припасены.

— Да неужто? — спросил Горбун. — А где сейчас Джордж, позвольте полюбопытствовать? В городе, в веселом доме. Вот куда уплывут все ваши денежки. Господи, да я уже видел это множество раз. Немало перевидал я людей, у которых в голове только и мысли что об землице. Но в руки им ничего не доставалось.

— Конечно, все этого хотят! — воскликнул Огрызок. — Всякий хочет иметь клочок земли, хоть небольшой, да собственный. И кров над головою, чтоб никто не мог его выгнать, как собаку. У меня сроду ничего такого не было. Я работал чуть не на всех хозяев в этом штате, а урожай доставался не мне. Но теперь у нас будет своя землица, можешь не сумлеваться. Джордж не

взял с собой денег. Они лежат в банке. У меня, Ленни и Джорджа будет свой дом. Будут собака, кролики и куры. Будет кукурузное поле и, может, корова или коза.

Он замолчал, увлеченный этой картиной.

— Говоришь, у вас есть деньги? — спросил Горбун.

— Уж будь спокоен. Большая часть есть. Остается раздобыть сущие пустяки. Мы раздобудем их всего за месяц. И Джордж уже присмотрел ранчо.

Горбун ощупал свою спину.

— Никогда не видел, чтоб кто-нибудь в самом деле купил ранчо, — сказал он. — Я видывал людей, которые чуть с ума не сходили от тоски по земле, но всегда веселый дом или карты брали свое. — Он помолчал. — Ежели вы, ребята, захотите иметь дарового работника, только за харчи, я с охотой пойду к вам. Не такой уж я калека, могу работать, как зверь, ежели захочу.

— Вы, мальчики, Кудряша не видали?

Все трое живо обернулись. В дверь заглянула жена Кудряша. Лицо ее было ярко нарумянено. Губы слегка приоткрыты. Дышала она тяжело, словно после бега.

— Кудряш сюда не заходил, — сказал Огрызок, поморщась.

Она стояла в дверях, улыбаясь, и потирала пальцами ногти на другой руке. Взгляд ее скользнул по их лицам.

— Они оставили здесь всех непригодных, — сказала она наконец. — Думаете, я не знаю, куда все уехали? И Кудряш тоже. Знаю я, где они сейчас.

Ленни смотрел на нее с восхищением, но Огрызок и Горбун хмуро отводили глаза, избегая ее взгляда.

Огрызок сказал:

— Ну, уж ежели вы все знаете, тогда зачем спрашиваете?

Она смотрела на них, забавляясь и посмеиваясь.

— Вот умора, — сказала она. — Ежели я застаю мужика одного, мы отлично ладим. Но ежели их двое, они и разговаривать со мной не станут. Только злобятся. — Она перестала тереть ногти и уперла руки в бедра. — Вы все боитесь друг друга, вот что. Всякий боится, что остальные против него чего-то замышляют.

Наступило молчание. Потом Горбун сказал:

— Пожалуй, вам лучше уйти домой. Мы не хотим неприятностей.

— А какие вам от меня неприятности? Думаете, мне не хочется хоть иногда поговорить с кем-ни-

будь? Думаете, охота мне дома сидеть сиднем?

Старик положил культю на колено и осторожно потер ее ладонью. Он сказал сердито:

— У вас муж есть. Нечего вам тут ходить да голову мужикам дурить, через это только одни неприятности.

Женщина взбеленилась.

— Ну конечно, у меня есть муж! Вы все его знаете. Хорош, правда? Все время грозит расправиться с теми, кого не любит! А сам не любит никого! Думаете, мне охота сидеть в этом паршивом домишке и слушать про то, как Кудряш врежет два раза левой, а потом — наповал правой? Врежу ему разок, — говорит, — и он сразу с копыт долой. — Она умолкла, и лицо ее вдруг оживилось. — Скажите, а что это у Кудряша с рукой?

Последовало неловкое молчание. Огрызок украдкой глянул на Ленни. Потом тихонько кашлянул.

— Ну… Кудряш… Рука у него в машину попала. И он поранился.

Она посмотрела на них и рассмеялась.

— Враки! Вы мне голову-то не морочьте! Кудряш устроил заварушку, а расхлебать не сдюжил. Рука в машину попала — враки! Что-то он притих с тех пор, как у него рука искалечена. Так кто же

искалечил?

Старик угрюмо повторил:

— Рука в машину попала.

— Ладно, — сказала она с презрением. — Ладно, прикрывайте его, ежели вам охота. Мне-то что? Вы, бродяги, много об себе воображаете. По-вашему, я ребенок! А ведь я могла уехать отсюдова и играть на сцене. Не раз была у меня такая возможность. Один человек обещал мне, что я буду сниматься в кино. — Она задохнулась от гнева. — Субботний вечер. Никого нету, все развлекаются, кто как может. Все! А я? Торчу здесь и треплюсь с бродягами, с негром, с дураком и со старым вонючим козлом, да еще радуюсь, потому как окромя них здесь ни души нету.

Ленни глядел на нее, разинув рот. Горбун надел привычную личину холодного достоинства. Но старик вдруг преобразился. Решительно встал и изо всех сил пнул ногой бочонок, на котором сидел.

— Ну, с меня довольно, — сказал он со злостью. — Вас сюда никто не звал. Мы вам сразу так и сказали. А еще вы неправильно об нас понимаете. У вас меньше мозгов, чем у курицы, она и то поняла бы, что не такие уж мы болваны. Пущай вы нас выгоните. Пущай. Думаете, мы станем

бродить по дорогам, снова искать грошовых заработков, вроде как здесь? Вам, поди, и невдомек, что у нас есть собственное ранчо и собственный дом. Нам незачем здесь оставаться. У нас есть дом, и куры, и сад, и там во сто раз лучше, чем здесь. И друзья у нас тоже есть. Может, было время, мы боялись, как бы не выгнали, но теперича ничуть не боимся. У нас есть свое ранчо, наше собственное, и мы можем туда хоть нынче переехать.

Женщина засмеялась.

— Враки, — сказала она. — Много я вас тут перевидала. Ежели б у вас был хоть грош за душой, вы купили бы на него спиртного и выпили б до последней капли. Знаю я вас.

Лицо Огрызка побагровело, но прежде чем она умолкла, он кое-как совладал с собой. Теперь он стал хозяином положения.

— Так я и думал, — сказал он невозмутимо. — Пожалуй, вам лучше убраться восвояси. Нам не об чем толковать. Мы свое знаем, и нам плевать, что вы об этом думаете. Так что, стало быть, лучше вам просто-напросто уйти отсюдова. Кудряшу, наверно, не больно-то понравится, что его жена болтает в конюшне с бродягами.

Она переводила взгляд с одного лица на другое, и все они были замкнуты. Дольше всего она

смотрела на Ленни, и, наконец, он в смущении потупился. Вдруг она спросила:

— Откудова у тебя на роже эти ссадины?

Ленни виновато поднял голову.

— У кого… у меня?

— Ну да, у тебя.

Ленни поглядел на старика, не зная, что сказать, потом снова потупился.

— У него рука в машину попала, — сказал он.

Женщина расхохоталась.

— Ну ладно. Пущай в машину. Я с тобой еще потолкую. Страсть до чего люблю этакие машины.

— Оставьте его в покое, — сказал старик. — Все-то вам неймется. Каждое словечко Джорджу передам. Джордж не даст Ленни в обиду.

— А кто таков этот Джордж? — спросила она Ленни. — Тот маленький, с которым ты пришел?

Ленни весь расплылся в улыбке и ответил:

— Да, он самый. И он обещался, что позволит мне кормить кроликов.

— Ну, ежели тебе только этого и хочется, я сама могу найти пару-другую кроликов.

Горбун встал и повернулся к ней.

— Ну, будет, — сказал он, озлобясь. — Вы не имеете права входить к черномазому. И не имеете права подымать здесь шум. А теперь уходите, да

живо. Ежели не уйдете, я попрошу хозяина, чтоб он вовсе запретил вам совать нос в конюшню.

Она презрительно глянула на него.

— Слышь ты, черная образина, — сказала она. — Знаешь, чего я могу сделать, ежели ты еще хоть раз пасть разинешь?

Горбун бросил на нее унылый взгляд, потом сел и умолк.

Но она не отступалась.

— А знаешь, чего я могу сделать?

Горбун словно уменьшился в росте и спиной прижался к стене.

— Знаю, хозяйка.

— Так сиди и не рыпайся, черномазая образина. Стоит мне слово сказать, и тебя вздернут на первом суку.

Горбун сник, съежился, потускнел — круглый ноль; такой человек не вызывает ни симпатии, ни злобы.

— Молчу, хозяйка, — тускло сказал он.

Женщина поглядела на него, будто ждала, не шевельнется ли он, чтоб снова на него напуститься, но Горбун сидел неподвижно, отворотясь, замкнув в душе самое сокровенное. Наконец она повернулась к двум остальным.

Старик не сводил с нее глаз.

— Ежели наклепаете на Горбуна, мы за него заступимся, — произнес он негромко. — Скажем, что вы все врете.

— Ну и хрен с тобой! — закричала она. — Никто не станет тебя слушать, ты сам это знаешь. Никто!

Старик присмирел.

— Да, — согласился он. — Нас никто не слушает.

— Хочу к Джорджу, — захныкал Ленни. — Хочу к Джорджу.

Огрызок подошел к нему вплотную.

— Не бойсь, — сказал он. — Похоже, ребята возвращаются. Джордж сейчас будет здесь. — Он повернулся к женщине. — А вы шли бы лучше домой, — сказал он спокойно. — Ежели уйдете, мы не скажем Кудряшу, что вы были здесь.

Она смерила его взглядом.

— А с чего ты взял, что они возвращаются? Я ничего не слышу.

— Зачем же рисковать, — сказал он. — Ежели не слышите, все одно, лучше подальше от греха.

Она повернулась к Ленни.

— Я рада, что ты проучил Кудряша. Он сам нарывался. Иногда и мне охота его двинуть как следует.

Она проскользнула в дверь и исчезла в темной конюшне. Зазвенели уздечки, лошади зафыркали, забили копытами.

Горбун мало-помалу оживал.

— Так, значит, и вправду возвращаются? — спросил он.

— Само собой. Я же слыхал.

— А я вот ничего не слыхал.

— Хлопнули ворота, — сказал старик. — Она-то умеет проскользнуть тихонько. Ей не привыкать.

Горбуну больше не хотелось разговаривать про эту женщину.

— Шли бы вы, ребята, — сказал он. — Я хочу один побыть. Должны же и у цветного быть какие-то права, даже ежели ему от них один вред.

— Эта сука не смела так с тобой говорить, — сказал Огрызок.

— Какая разница, — отозвался Горбун равнодушно. — Вы пришли, за разговором я и забыл, кто я такой. А она напомнила.

Лошади в конюшне снова зафыркали, зазвенели уздечки, и послышался громкий оклик:

— Ленни, а Ленни! Ты где?

— Это Джордж! — крикнул Ленни и с живостью отозвался: — Я здесь, Джордж! Здесь!

Через секунду Джордж появился в дверях и недовольно оглядел каморку.

— Чего это ты делаешь у Горбуна? Тебе нельзя здесь быть.

Горбун кивнул.

— Я им говорил, но они все одно вошли.

— Так почему же ты их не выгнал?

— Я не супротив, — сказал Горбун. — Ленни такой славный.

Огрызок вдруг встрепенулся.

— Слышь, Джордж! Я уже все обдумал! И даже подсчитал, сколько мы можем заработать на кроликах.

Джордж сердито поглядел на него.

— Я, кажется, предупреждал вас обоих, чтоб вы никому ни слова.

Старик сразу же оробел.

— Мы и не говорили ни слова никому, кроме Горбуна.

— Ну ладно, пошли отсюда, — сказал Джордж. — Господи, на минуту и то нельзя отлучиться.

Огрызок с Ленни встали и пошли к двери.

Горбун окликнул старика:

— Огрызок!

— Ну, чего тебе?

— Помнишь, что я говорил насчет огорода и

всякой работы?

— Да, — сказал Огрызок. — Конечно, помню.

— Так вот, забудь, — сказал Горбун. — Я пошутил. Я не хочу на ваше ранчо.

— Ладно, дело твое. Спокойной ночи.

Джордж, Ленни и Огрызок вышли. Когда они проходили через конюшню, лошади зафыркали, зазвенели уздечками.

Некоторое время Горбун сидел на койке и глядел им вслед, потом потянулся за склянкой с мазью. Он задрал рубашку на спине, налил на ладонь немного мази и начал медленно тереть спину.

* * *

Угол огромной конюшни был почти до потолка завален свежим сеном, тут же стояли вилы с четырьмя зубьями. Сено высилось горой, полого спускавшейся к другому углу, и здесь было свободное, не доверху заваленное место. Вдоль стен тянулись стойла, и между перегородками виднелись лошадиные морды.

Воскресенье. Лошади отдыхали. Они тыкались мордами в кормушки, били копытами в деревянные перегородки и звенели уздечками. Солнце проглядывало сквозь щели в стене и яркими

полосами ложилось на сено. В послеполуденной жаре лениво жужжали мухи.

Снаружи раздавался звон подковы о железную стойку и одобрительные или насмешливые крики игроков. А в конюшне тихо, душно и жужжали мухи.

Ленни сидел подле ящика со щенками в углу конюшни, у сеновала. Сидел на сене и разглядывал мертвого щенка. Разглядывал долго, потом протянул огромную ручищу, погладил его от головы до хвостика и тихо спросил:

— Отчего ты издох? Ты ж не такой маленький, как мышь. И я не очень сильно тебя гладил. — Он приподнял голову щенка, поглядел на его мордочку и сказал: — Вот узнает Джордж, что ты сдох, и не позволит мне кормить кроликов.

Он вырыл ямку, положил туда щенка и прикрыл его сеном, но продолжал, не отрываясь, смотреть на холмик. Он сказал:

— Но я не натворил ничего такого, чтоб бежать и прятаться в кустах. Нет. Это еще ничего. Скажу Джорджу, что щенок сам издох.

Он откопал щенка, осмотрел его и снова погладил от головы до хвоста. Потом горестно продолжал:

— Но Джордж все одно узнает. Он завсегда все

узнает. Он скажет: «Это ты сделал. Не вздумай морочить мне голову». И скажет: «За это ты не будешь кормить кроликов!»

Вдруг он рассердился.

— Как тебе не совестно! — воскликнул он. — Почему ты издох? Ты не такой маленький, как мышь. — Он схватил щенка, швырнул его в сторону и отвернулся. Потом сел, наклонившись вперед, и прошептал: — Теперь я не буду кормить кроликов. Джордж не позволит.

От горя он медленно раскачивался взад-вперед.

Снаружи послышался звон подковы, а потом несколько голосов. Ленни встал, снова подобрал щенка, положил его на сено и сел. Он опять погладил щенка.

— Ты еще маленький, — сказал он. — Мне говорили столько раз, что ты маленький. Но я не знал, что тебя так легко убить. — Он потрогал пальцами мягкое щенячье ухо. — Может, Джордж все-таки не очень рассердится, — сказал он. — Ведь про того сукина сына он сказал — это ничего.

Из-за крайнего стойла появилась жена Кудряша. Она подкралась тихонько, и Ленни ее не видел. На ней было то же яркое бумажное платье

и домашние туфли с красными страусовыми перьями. Лицо сильно нарумянено, и все локоны-колбаски аккуратно прибраны. Она молча подошла вплотную к Ленни, и только тогда он поднял голову и увидел ее.

В испуге он быстро зарыл щенка в сено. Потом бросил на нее враждебный взгляд.

— Что ты здесь делаешь, дружок? — спросила она.

Ленни сердито посмотрел на нее.

— Джордж велел держаться от вас подальше. Не разговаривать с вами и вообще ничего такого.

Она засмеялась.

— Джордж всегда над тобой распоряжается?

Ленни потупил глаза.

— Он сказал, что не позволит мне кормить кроликов, ежели я стану разговаривать с вами.

— Боится, как бы Кудряш не взъярился, — тихо сказала она. — Ну так вот, у него рука на перевязи, а ежели он к тебе пристанет, можешь сломать ему и другую. И не заливай, будто рука у него попала в машину.

Однако Ленни твердо стоял на своем.

— Ну уж нет. Не буду я с вами разговаривать.

Женщина опустилась на колени рядом с ним.

— Послушай, — сказала она. — Сейчас все иг-

рают в подкову. Еще четырех нет. Они ни за что не бросят, покуда не доиграют кон. Почему ж мне нельзя с тобой поговорить? Мне ведь не с кем разговаривать. Я так одинока.

— Но мне не велено говорить с вами, — настаивал Ленни.

— Я одинока, — повторила она. — Ты можешь разговаривать с кем хочешь, а я ни с кем, кроме Кудряша. Иначе он бесится. Как думаешь, весело это — ни с кем не разговаривать?

— Но мне не велено, — сказал Ленни. — Джордж боится, что я попаду в беду…

Она переменила разговор:

— Чего это у тебя там закопано?

И тогда Ленни снова охватила тоска.

— Это мой щенок, — сказал он горестно. — Мой щеночек.

И он смахнул со щенка сено.

— Да ведь он мертвый! — воскликнула она.

— Он такой маленький, — сказал Ленни. — Я хотел только поиграть с ним… А он вроде как укусить норовит… а я его легонечко этак — шлеп… а он и умер.

Она стала его утешать.

— Не огорчайся. Он ведь всего-навсего щенок. Возьмешь другого. Здесь их полным-полно.

— Я не про это, — сказал Ленни жалобно. — Теперь Джордж не позволит мне кормить кроликов.

— Но почему?

— Он сказал, ежели я еще чего натворю, он не позволит мне кормить кроликов.

Она придвинулась ближе и заговорила успокаивающе:

— Ты не бойся, это ничего, что ты со мной разговариваешь. Слышишь, как они там кричат? У них на кону четыре доллара. Ни один с места не сойдет, покуда игра не кончится.

— Увидит Джордж, что я разговариваю с вами, задаст мне жару, — шепнул Ленни опасливо. — Он так и сказал.

Лицо ее стало злым.

— Да что я, не человек? — выкрикнула она. — Почему я не имею права ни с кем поговорить? За кого они меня считают? Ты такой славный. Отчего ж мне нельзя поговорить с тобой? Я тебе ничего плохого не сделаю.

— Но Джордж говорит, что из-за вас мы попадем в беду.

— Глупости, — сказала она. — Что я тебе плохого делаю? Ну, понятно, им всем на меня наплевать, они и знать не хотят, каково мне здесь живется.

А я тебе вот чего скажу — я не привыкла к такой жизни. Я могла бы кой-чего добиться. И, может, еще добьюсь, — добавила она с угрозой.

И заговорила быстро, увлеченно, словно спешила высказаться, пока ее слушают.

— Я жила в самом Салинасе. Меня туда еще девочкой привезли. Как-то приехал на гастроли театр, и я познакомилась с одним актером. Он сказал, что я могу поехать с ихним театром. Но мать не отпускала. Говорила, что я еще мала — мне тогда всего пятнадцать было. Но тот актер звал меня. И будь уверен, ежели б я уехала, уж я б не жила вот так, как сейчас.

Ленни погладил мертвого щенка.

— У нас будет маленькое ранчо… и кролики, — сказал он.

Но она спешила рассказать о себе, прежде чем ей помешают.

— А в другой раз я встретила еще одного человека, он в кино работал. Я ходила с ним танцевать в «Приречный дансинг-холл». И он сказал, что поможет мне устроиться в кино. Сказал, что я — самородок. Что он вскорости вернется в Голливуд и напишет мне. — Она испытующе взглянула на Ленни: произвели ли ее слова хоть какое-то впечатление. — Но я так и не дождалась

письма, — сказала она. — Сдается мне, мать перехватила. Ну, я не хотела оставаться там, где ничего нельзя добиться в жизни, да еще и письма перехватывают. Я напрямки спросила мать, перехватила она письмо или же нет, — она стала отпираться. А потом я вышла за Кудряша. Мы как раз в тот самый вечер познакомились с ним в «Дансинге». Ты меня слушаешь?

— Я? Само собой.

— Так вот. Я еще никому об этом не говорила, может, так и надо, кто знает. Я не люблю Кудряша. Он плохой. — После этого признания она пододвинулась к Ленни и села рядом. — Я могла бы жить в роскошных отелях, и за мной гонялись бы фотографы. И я ходила бы на все просмотры и выступала по радио, и это не стоило бы мне ни цента, потому что я была бы киноактрисой. И носила бы красивые платья, как все они. Недаром же тот человек сказал, что я — самородок.

Она посмотрела на Ленни и красиво повела рукой, показывая, что умеет играть. Пальцы ее описали в воздухе плавную дугу, мизинец изящно оттопырился.

Ленни глубоко вздохнул. На дворе раздался звон подковы и одобрительные крики.

— Кто-то удачно сыграл, — сказала она.

Солнце садилось, и светлые полосы ползли по стене, подымаясь выше яслей и лошадиных голов.

— Может, ежели я унесу щенка и выброшу его, Джордж ничего не узнает, — сказал Ленни. — И тогда он позволит мне кормить кроликов.

— Неужто ты ни об чем, окромя кроликов, думать не можешь? — сердито спросила она.

— У нас будет маленькое ранчо, — терпеливо объяснил Ленни. — Будут сад и луг, а на нем люцерна для кроликов, и я буду брать мешок, набивать люцерной и кормить кроликов.

— А почему ты так любишь кроликов? — спросила она.

Ленни долго думал, прежде чем нашел объяснение. Он осторожно пододвинулся к ней.

— Я люблю гладить все мягкое. Один раз на ярмарке я видел пушистых кроликов. И я знаю, их приятно гладить. Иногда я гладил даже мышей, ежели не было ничего получше.

Женщина испуганно отодвинулась от него.

— По-моему, ты чокнутый, — сказала она.

— Нет, — серьезно возразил Ленни. — Джордж говорит, что нет. Просто я люблю гладить все мягкое.

Она немного успокоилась.

— А кто не любит? — сказала она. — Всякий любит. Я вот люблю щупать шелк и бархат.

Ленни радостно засмеялся.

— Еще бы! — воскликнул он. — И у меня когда-то был бархат. Мне его дала одна женщина, и эта женщина была… была… моя тетя Клара. Она дала мне вот такой кусок. Был бы он у меня сейчас… — Ленни нахмурился. — Но я его потерял, — сказал он. — Уже давно.

Женщина засмеялась.

— Ты чокнутый, — сказала она. — Но все одно, кажется, ты славный. Просто большой ребенок. Кажется, я тебя понимаю. Иногда стану причесываться, долго сижу и глажу волосы, потому так они мягонькие. — И чтоб показать, как она это делает, женщина провела рукой по своим волосам. У некоторых волосы жесткие, — сказала она самодовольно. — Взять, к примеру, хоть Кудряша. Волосы совсем как проволока. А у меня — мягкие и тонкие. Потому что я их часто расчесываю. От этого они делаются еще мягче. Вот пощупай. — Она взяла руку Ленни и положила себе на голову. — Потрогай — чувствуешь, какие мягкие?

Огромная ручища Ленни начала гладить ее волосы.

— Только не растрепи, — сказала она.

— Ох, до чего ж приятно! — сказал Ленни и стал гладить сильней. — До чего ж это приятно!

— Осторожней, ты меня растреплешь. — Потом она сердито прикрикнула: — Да перестань же, ты меня совсем растрепал!

Она дергала головой, но пальцы Ленни вцепились в волосы намертво.

— Пусти! — вскрикнула она. — Слышишь, пусти!

Ленни был в смятении. Лицо его исказилось. Она завизжала, и тогда Ленни свободной рукой зажал ей рот и нос.

— Пожалуйста, не кричите, — попросил он. — Ну, пожалуйста, не надо. Джордж рассердится.

Она отчаянно билась в его руках. Ноги ее колотили по сену, она извивалась, пытаясь освободиться, и из-под ладони Ленни вырывались приглушенные стоны. Ленни заплакал от страха.

— Ну, пожалуйста, не надо! — молил он. — Джордж скажет, что я опять чего-то натворил. Он не позволит мне кормить кроликов.

Он слегка отпустил руку, и сразу же раздался ее хриплый крик. Тогда Ленни рассердился.

— Замолчите, — сказал он. — Я не хочу, чтоб вы кричали. Из-за вас я попаду в беду. Джордж так и

сказал. Замолчите.

А она все вырывалась, и в глазах у нее застыл ужас. Тогда он встряхнул ее, все больше сердясь.

— Не кричите, — сказал он и снова встряхнул ее.

Она забилась, как рыба. А потом вдруг затихла. Ленни сломал ей шею.

Он посмотрел на нее и осторожно отнял ладонь от ее рта.

— Я не хотел сделать вам больно, — сказал он. — Но Джордж рассердится, ежели вы будете кричать.

Она не отвечала, не двигалась, и тогда он склонился над ней. Он приподнял ее руку, потом отпустил… Сперва он как будто был только удивлен. Потом прошептал со страхом:

— Я чего-то натворил. Я опять чего-то такое натворил.

И стал забрасывать труп сеном, покуда не завалил до половины.

Со двора донеслись крики, двойной удар подковы. И тут Ленни впервые подумал о том, что происходит там, на дворе. Он присел на корточки и прислушался.

— Я и впрямь чего-то натворил, — сказал он. — Не надо было мне этого делать. Джордж

рассердится. И он сказал… спрячься в кустах и дожидайся меня. Он рассердится… В кустах дожидайся меня. Так он сказал.

Ленни повернулся и взглянул на мертвую, полузаваленную сеном женщину. Щенок лежал рядом с ней. Ленни взял его в руки.

— Я его выброшу, — сказал он. — И без того худо…

Он сунул щенка за пазуху, на четвереньках подполз к стене и поглядел сквозь щель на игроков. Потом ползком обогнул ближнее стойло и скрылся.

Солнечные полосы поднялись теперь высоко по стене, конюшня была залита мягким вечерним светом. Жена Кудряша лежала навзничь, прикрытая сеном.

В конюшне было тихо, и на всем ранчо царила предвечерняя тишина. Даже звон подковы и крики игроков, казалось, стали глуше. Сумрак постепенно окутывал конюшню, хотя на дворе было еще совсем светло. В отворенную дверь влетел голубь, покружил под потолком и снова вылетел на волю. Из-за крайнего стойла вышла овчарка, длинная, поджарая, с тяжелыми, отвисшими сосцами. Не дойдя до ящика, где лежали щенки, она почуяла мертвечину, и шерсть у нее на за-

гривке встала дыбом. Она заскулила, на брюхе подползла к ящику и прыгнула в него, к щенкам.

Жена Кудряша лежала, полузаваленная сеном. Ожесточенность, тревога, тщеславие — все исчезло. Она стала теперь такой милой, такой простой, и ее личико казалось нежным и юным. Нарумяненные щеки и накрашенные губы оживляли его, словно она лишь задремала. Локоны, колбаски разметались по сену, губы приоткрылись.

Как это иногда бывает — время вдруг на миг остановилось, замерло. Звон смолк, движение прервалось, и длилось это много, много долгих мгновений.

Потом время ожило и медленной поступью двинулось дальше. Лошади забили копытами в стойлах, зазвенели уздечки. Голоса снаружи стали громче и звонче.

Из-за крайнего стойла послышался голос Огрызка:

— Ленни, — позвал он. — Эй, Ленни! Ты здесь, что ли? Я придумал еще кое-чего. Мы могли бы, Ленни… — Старик появился из-за крайнего стойла. — Эй, Ленни! — позвал он снова и вдруг остановился как вкопанный. Он потер культей седую щетину на щеке. — Я не знал, что вы здесь, — сказал он жене Кудряша.

Она не откликнулась. Тогда он подошел ближе.

— Негоже вам тут спать, — сказал он укоризненно; потом подошел вплотную и…

— О господи! — Он беспомощно огляделся и потер подбородок. Потом резко повернулся и выбежал из конюшни.

Конюшня давно уже ожила. Лошади били копытами, фыркали, жевали соломенную подстилку и звенели уздечками. Вскоре старик вернулся.

Следом за ним спешил Джордж.

— Так чего такое ты хотел мне сказать? — спросил он.

Огрызок указал на лежащую женщину. Джордж в недоумении уставился на нее.

— Чего это с ней такое? — спросил он. Потом подошел поближе и сказал, как Огрызок, слово в слово: — О господи!

Он опустился рядом на колени и приложил руку к груди женщины. Когда же он, наконец, встал, медленно и с трудом, лицо у него было каменное, а взгляд застывший.

— Кто ж это мог сделать? — спросил Огрызок.

Джордж взглянул на него пустыми глазами.

— Ты что, не понял разве? — спросил он. И старик сразу смолк. — Я должен был это предви-

деть, — сказал Джордж, беспомощно озираясь. — В душе я чувствовал, что так оно и будет.

— Что ж нам теперь делать, Джордж? — спросил Огрызок. — Что же делать?

Джордж ответил не сразу, после долгого молчания.

— Вот что… Надобно рассказать… им всем… Надобно поймать его и посадить под замок. Нельзя дать ему улизнуть. Ведь этот дурак разнесчастный вскорости помрет с голоду. — Тут он сам попытался ободрить себя: — Может, его не тронут, просто посадят под замок.

Но старик воскликнул взволнованно:

— А по-моему, надобно помочь ему сбежать! Ты не знаешь Кудряша. Кудряш захочет его линчевать. И забьет насмерть.

Джордж пристально смотрел, как шевелятся губы старика.

— Да, — вымолвил он наконец. — Да, Кудряш так и сделает. И другие тоже.

Тут он снова взглянул на мертвую женщину.

А Огрызок заговорил о том, что волновало его больше всего прочего:

— Но мы с тобой все одно купим ранчо, ведь правда, Джордж? Переедем и заживем там, ведь правда, Джордж? Ведь это правда?

Но еще прежде чем Джордж ответил, старик потупил голову и уставился в пол. Он сам все понял.

Джордж сказал тихо:

— Сдается мне, я предвидел это с самого начала. Сдается мне, я предвидел, что этому никогда не бывать. Он любил слушать про это, и я сам поверил…

— Стало быть… все кончено? — спросил Огрызок с тоской.

Джордж не ответил. Помолчав, он сказал:

— Поработаю до конца месяца, получу свои полсотни долларов да закачусь на всю ночь к девочкам. Или буду сидеть в бильярдной до тех пор, покуда все не разойдутся по домам. А потом вернусь и буду вкалывать еще с месяц, и получу еще полста монет.

Старик сказал:

— Безобидный парень. Никогда не думал, что он может такое натворить.

А Джордж все смотрел на женщину.

— Это он не по злобе, — сказал наконец Джордж. — Он и раньше, бывало, начудит, но всегда без умысла. — Джордж выпрямился и повернулся к старику. — А теперь слушай. Надо сказать им всем. Они, понятно, его изловят. Тут уж

ничего не поделаешь. Может, они его не убьют. — И он обронил с ненавистью: — Я не дам им убить Ленни. Слушай, ты. Они могут подумать, будто и я в этом деле замешан. Сейчас я пойду в барак. А малость погодя ты выйдешь и скажешь всем про нее. Потом приду и я, будто ничего не видел. Хорошо? Тогда никто на меня не подумает.

— Само собой, Джордж, — ответил старик. — Само собой, сделаю.

— Ну и ладно. Тогда обожди маленько, а потом выбежишь и скажешь так, будто только что ее нашел. А я пойду в барак.

Джордж повернулся и быстро вышел из конюшни.

Старик проводил его взглядом. Потом беспомощно поглядел на женщину, и вся его досада вдруг излилась в словах:

— Ты, потаскуха разнесчастная, — сказал он со злобой. — Добилась своего? Теперь небось рада? Все знали, что с тобой не миновать беды. Какой от тебя был толк? И теперь нету толку, дрянь ты паскудная, задрыга. — Он всхлипнул, и голос его задрожал. — А я мог бы работать на огороде и мыть посуду для друзей. — Он помолчал, потом продолжал заученным тоном, снова повторяя те же слова: — А ежели приедет цирк или будет

бейсбольный матч… мы пойдем туда… скажем: «К чертям работу», — да и пойдем. Ни у кого не будем спрашиваться… У нас будут и свинья, и куры… а зимой… пузатая печка… и дождь… И мы будем сидеть у печки…

Глаза его затуманились, он потер культей щетинистую щеку, повернулся и побрел к двери.

Шум игры смолк. Послышались удивленные крики, быстрый топот ног, и в конюшню ворвались люди — Рослый, Карлсон, молодой Уит, Кудряш и Горбун, который держался позади всех. Потом вошел Огрызок, а последним — Джордж. Джордж успел надеть свою синюю куртку, застегнулся на все пуговицы и низко надвинул на лоб черную шляпу. Мужчины, обогнув крайнее стойло, в полумраке отыскали глазами убитую и замерли.

Потом Рослый тихонько подошел и пощупал у нее пульс. Коснулся пальцами ее щеки, подсунул руку под вывернутую шею. Когда он выпрямился, все, толпясь, подступили ближе. Оцепенение спало.

Кудряш взъярился.

— Я знаю, чьих рук это дело! — заорал он. — Того здоровенного сукина сына! Больше некому! Ведь все остальные играли в подкову.

И он начал распалять себя еще пуще.

— Ему от меня не уйти! Вот только возьму ружье! Своей рукой пристрелю мерзавца! Кишки выпущу! За мной, ребята!

Он в ярости выбежал из конюшни.

Карлсон сказал:

— Побегу возьму пистолет, — и выскочил вслед за ним.

Рослый медленно повернулся к Джорджу.

— Видать, это и взаправду Ленни сделал, — сказал он. — У нее шея сломана. С Ленни такое станется.

Джордж не ответил, только кивнул. Шляпа его была надвинута низко, на самые глаза.

— Может, как тогда, в Уиде все вышло — помнишь, ты рассказывал, — продолжал Рослый.

Джордж снова кивнул. Рослый сказал со вздохом;

— Что ж, придется его изловить. Как думаешь, где он?

Джордж ответил не сразу — каждое слово давалось с трудом:

— Он... наверно, пошел на юг. Мы пришли с севера, так что теперь он должен был пойти на юг.

— Придется его изловить, — повторил Рослый.

Джордж подошел к нему вплотную.

— А нельзя ли привести его сюда да посадить под замок? Он ведь чокнутый. Сделал это без умысла.

Рослый кивнул.

— Можно, — сказал он. — Ежели только удержать Кудряша. Но Кудряш беспременно хочет его пристрелить. Кудряш не забыл про свою руку. Но даже ежели Ленни посадят под замок, то отхлещут ремнем и навсегда упекут за решетку. Хорошего тут мало, Джордж.

— Знаю, — отозвался Джордж. — Знаю.

В конюшню вбежал Карлсон.

— Этот подлец украл мой «люгер»! — крикнул он. — Его нет в мешке!

Вслед за ним вошел Кудряш, неся в здоровой руке ружье. Теперь он был спокоен.

— Ничего, ребята, — сказал он. — У черномазого есть дробовик. Возьми, Карлсон. Как увидишь его, смотри не упусти. Пали прямо в брюхо. Он сразу и свалится.

— А у меня вот нету ружья, — сказал Уит с досадой.

— Ты поезжай в Соледад и сообщи в полицию, — сказал Кудряш. — Привези сюда Ола Уилтса, помощника шерифа. Ну, двинули. — Он подозрительно глянул на Джорджа. — И ты с

нами.

— Да, — сказал Джордж. — Я с вами. Но, послушай, Кудряш. Ведь он, бедняга, полоумный. Не убивай его. Он сам не знал, чего делает.

— Не убивать? — заорал Кудряш. — Да у него пистолет Карлсона! Пристрелим его, и дело с концом.

— А что, ежели Карлсон сам потерял пистолет? — нерешительно возразил Джордж.

— Я его видел сегодня утром, — сказал Карлсон. — Нет уж, дело ясное, его украли.

Рослый все стоял, глядя на жену Кудряша. Он сказал:

— Кудряш… может, тебе лучше остаться здесь, с ней?

Кудряш побагровел.

— Нет, я пойду, — сказал он. — Я выпущу этому подлецу кишки, хоть у меня только одна рука здоровая. Ему теперь не уйти.

Рослый повернулся к старику.

— Ну, тогда останься хоть ты с ней, Огрызок. А мы пойдем.

И они ушли. Джордж задержался подле Огрызка, оба смотрели на мертвую женщину. Но тут Кудряш крикнул:

— Эй, Джордж, не отставай, а то как бы мы про

тебя чего не подумали!

Джордж медленно побрел следом, едва волоча ноги.

Когда они ушли, Огрызок присел на корточки, разглядывая мертвое лицо.

— Бедняжка, — сказал он шепотом.

Шаги и голоса затихли вдали. В конюшне становилось все темней, лошади в стойлах били копытами и звенели уздечками. Старик лег на сено и прикрыл глаза рукой.

* * *

В эту предвечернюю пору зеленая вода в глубокой заводи реки Салинас была недвижна. Солнце уже не освещало долину, лучи его скользили лишь по склонам хребта Габилан, и горные вершины розовели в этих лучах. А на заводь, окруженную корявыми стволами сикоморов, ниспадала благодатная тень.

По воде бесшумно скользнула водяная змейка, поворачивая голову, как перископ, из стороны в сторону; она переплыла заводь и очутилась у самых ног цапли, неподвижно стоявшей на отмели. Цапля стремительно ухватила клювом извивающуюся змейку за голову и проглотила.

Откуда-то издалека налетел порывистый ветер

и волной прокатился по кронам деревьев. Листья сикоморов обернулись серебристой подкладкой, бурая палая листва взметнулась вверх и перелетев несколько футов, снова опустилась на землю. Зеленая вода подернулась мелкой рябью.

Ветер улегся так же мгновенно, как и поднялся, и на поляне снова все замерло. Цапля стояла у берега, недвижно, выжидая. Еще одна водяная змейка показалась в заводи, поворачивая голову, как перископ, из стороны в сторону.

Вдруг из кустов появился Ленни. Он ступал тихо, будто медведь, подкрадывающийся к улью. Цапля взмахнула крыльями, поднялась над водой и полетела к низовьям реки. Змейка скрылась в прибрежном камыше.

Ленни тихо подошел к заводи, встал на колени и напился, припав губами к воде. У него за спиной в сухих листьях затрепыхалась какая-то птичка. Он вздрогнул и прислушался, озираясь, потом увидел птичку, пригнул голову и снова стал пить.

Напившись, он сел на землю, боком к реке, чтоб видеть тропу. Обхватил колени руками и положил на них подбородок.

Свет медленно меркнул в долине, отчего, казалось, вершины гор засверкали ярче.

Ленни сказал тихо:

— Я не забыл. Нет. Спрятаться в кустах и ждать Джорджа. — Он низко надвинул шляпу на лоб. — Джордж задаст мне жару, — прошептал он. — Скажет: «Эх, ежели б я был один и ты не висел у меня на шее…» — Он повернул голову и поглядел на залитые солнцем вершины гор. Я могу уйти туда и сыскать себе пещеру, — сказал он, а потом добавил с тоской: — И никогда не есть кетчупа. Но это все одно. Ежели Джорджу я не нужен… я уйду, уйду.

И тут Ленни почудилось, будто из его головы вышла седоволосая толстушка. На носу у нее были очки с толстыми стеклами, на животе — широкий полосатый фартук с карманами. Вся одежда была чистая, накрахмаленная. Толстушка стояла перед Ленни подбоченясь и неодобрительно хмурилась.

Вдруг она заговорила голосом самого Ленни.

— Сколько раз я тебе втолковывала, чтоб ты слушался Джорджа, — сказала она. — Он такой хороший человек и так добр к тебе. Но ты и ухом не повел. Тебе бы только бедокурить.

И Ленни ответил:

— Я старался, тетя Клара. Я очень старался. Но у меня ничего не выходило.

— Ты совсем не думал о Джордже, — продолжала она голосом Ленни. — А он все время об тебе заботился, делился всем. То лучший кусок пирога отдаст, то кетчуп.

— Знаю, — сказал Ленни жалобно. — Я старался, тетя Клара, очень даже старался.

Она перебила его:

— А ведь ежели б не ты, он и горя не знал бы, вот как. Получал бы свои денежки да развлекался с девочками или на бильярде играл. Но ему надо было об тебе заботиться.

Ленни застонал от раскаяния.

— Знаю, тетя Клара, знаю. Я уйду в горы, сыщу пещеру, стану там жить и больше не буду досаждать Джорджу.

— Ты только так говоришь, — сказала она резко. — Ты всегда так говорил, а сам знаешь, распросукин ты сын, что никогда этого не сделаешь. Так и будешь тянуть из Джорджа жилы.

— Но я могу уйти. Все одно Джордж теперь не позволит мне кормить кроликов.

Тетя Клара исчезла, а из головы у Ленни выпрыгнул огромный кролик. Он присел на задние лапы, пошевелил ушами, сморщил нос. И тоже заговорил голосом Ленни.

— Куда тебе кроликов кормить! — сказал он

презрительно. — Дурак полоумный! Да ты недостоин пятки кроликам лизать. Ты позабудешь про них, и они останутся голодные. Вот и все. Но что тогда скажет Джордж?

— Я не позабуду! — крикнул Ленни.

— Позабудешь, — настаивал кролик. — Ты не достоин тех ржавых гвоздей, которыми черти тебя в аду распнут. Видит бог, Джордж сделал все, чтоб вытащить тебя из грязи, да какой толк! Ежели ты думаешь, что Джордж позволит тебе кормить кроликов, стало быть, ты вовсе спятил. Как бы не так. Он выбьет из тебя дурь палкой.

Ленни возразил вызывающе:

— Не станет он меня бить. Даже и не подумает. Я знаю Джорджа с… не помню уж, с каких пор… и он никогда на меня палкой даже не замахнулся. Он меня любит. Он добрый.

— Но ты ему осточертел, — сказал кролик. — Он из тебя выбьет дурь, а потом плюнет и уйдет.

— Ни за что! — завопил Ленни в отчаянии. — Даже и не подумает! Я знаю Джорджа. Мы с ним давно вместе.

Но кролик твердил свое:

— Он тебя бросит, дурак ты полоумный. Бросит здесь одного. Он тебя бросит, дурак полоумный.

Ленни зажал уши.

— Не бросит, говорю тебе, не бросит.

И закричал:

— Эй, Джордж, Джордж, Джордж!

Джордж тихо вышел из кустов, и кролик юркнул обратно в голову Ленни.

Джордж спросил вполголоса:

— Ну, чего ты кричишь?

Ленни привстал.

— Ты ведь не бросишь меня, правда, Джордж? Я знаю, ты меня не бросишь.

Джордж медленно подошел и сел рядом.

— Нет.

— Я знал! — воскликнул Ленни. — Ты не такой!

Джордж молчал.

Ленни сказал:

— Джордж…

— Ну?

— Я опять чего-то натворил.

— Это неважно, — сказал Джордж и снова замолчал.

Теперь только самые макушки гор озарялись солнцем. В долине царил мягкий, голубоватый сумрак. Издалека донесся мужской голос, ему откликнулся другой. Джордж повернул голову и прислушался.

Ленни сказал:

— Джордж…

— Да?

— Ты не задашь мне жару?

— Тебе жару?

— Ну, как всегда. Вот так: «Ежели б не ты, я взял бы свои полсотни долларов…»

— Господи, Ленни! Ты не помнишь ничего, что с тобой случается, но помнишь каждое мое слово.

— Разве ты не скажешь мне это?

Джордж кое-как совладал с собой. Он ответил безжизненным голосом:

— Будь я один, я б и горя не знал. — Голос его звучал ровно, бесстрастно. — Работал бы себе, и никаких неприятностей…

Он замолчал.

— Дальше, — сказал Ленни. — «А в конце месяца…»

— А в конце месяца я получал бы свои полсотни долларов и шел развлекаться с девочками…

Он замолчал снова.

Ленни нетерпеливо посмотрел на него.

— Говори дальше, Джордж. Разве ты не задашь мне еще жару?

— Нет, — сказал Джордж.

— Что ж, я могу уйти, — сказал Ленни. — Ежели я тебе не нужен, пойду в горы и сыщу там

пещеру.

Джордж снова овладел собой.

— Нет, — ответил он. — Я хочу, чтоб ты остался со мною.

Ленни сказал лукаво:

— Тогда расскажи мне, как раньше…

— Про что рассказать?

— Про других и про нас.

Джордж сказал:

— У таких, как мы, нет семьи. Они сперва малость подзаработают, а потом все промотают. Они без роду, без племени, никто об них не заботится…

— Другое дело — мы! — радостно подхватил Ленни. — Расскажи теперь про нас.

Джордж помолчал.

— Другое дело — мы, — сказал он.

— Потому что…

— Потому что у меня есть ты…

— А у меня — ты. Мы с тобой всегда вместе, мы друг о друге заботимся! — воскликнул Ленни с торжеством.

Легкий вечерний ветерок пронесся по поляне, зашелестели листья, и зеленая заводь подернулась рябью.

И снова раздались голоса, на этот раз ближе.

Джордж снял шляпу. Он сказал дрогнувшим голосом:

— Сними и ты шляпу, Ленни. Сегодня тепло.

Ленни послушно снял шляпу и положил подле себя на землю. Сумрак в долине отливал синевой — быстро смеркалось. Ветер донес треск кустов.

Ленни попросил:

— Расскажи, как мы будем жить.

Джордж прислушивался к голосам. Лицо у него теперь было сосредоточенное.

— Гляди вон туда, за реку, Ленни, а я буду рассказывать, и ты словно бы увидишь все своими глазами.

Ленни отвернулся от него и стал смотреть через заводь на темнеющие горные склоны.

— У нас будет маленькое ранчо, — начал Джордж. Он вынул из кармана пистолет Карлсона, взвел курок и положил пистолет на землю за спиной у Ленни. Потом поглядел Ленни в затылок.

Со стороны реки донесся мужской голос, и другой голос тотчас ему откликнулся.

— Ну, говори же, — попросил Ленни.

Джордж поднял пистолет, но рука его дрогнула и вновь опустилась.

— Дальше, — сказал Ленни. — Рассказывай,

рассказывай. У нас будет маленькое ранчо…

— У нас будет корова, — сказал Джордж. — И еще, пожалуй, свинья и куры… а на лугу… мы посеем люцерну…

— Для кроликов! — подхватил Ленни.

— Для кроликов, — повторил Джордж.

— И я буду кормить кроликов.

— Будешь, будешь.

Ленни радостно засмеялся.

— И мы будем сами себе хозяева.

— Да.

Ленни обернулся.

— Нет, Ленни, гляди за реку, тогда ты все увидишь своими глазами.

Ленни повиновался. Джордж взглянул на револьвер.

В кустах послышался треск, потом тяжелые шаги. Джордж обернулся на шум.

— Говори же, Джордж. Когда все это будет?

— Скоро.

— Мы будем там жить с тобой вдвоем.

— Да. Мы… вдвоем… Тебя никто не обидит, и… никаких неприятностей. Никто не будет у тебя ничего отбирать.

Ленни сказал:

— А я думал, ты рассердишься на меня,

Джордж.

— Нет, — сказал Джордж.

— Нет, Ленни. Я не сержусь. Я никогда не сердился на тебя. Вот и теперь тоже. Я хочу, чтоб ты это знал.

Голоса раздавались совсем уже близко. Джордж поднял пистолет и прислушался.

Ленни попросил:

— Давай купим ранчо сейчас. Прямо сейчас.

— Само собой… Я… Мы…

Джордж уставил пистолет прямо Ленни в затылок. Рука у него тряслась, но лицо было решительным, и он, совладав с дрожью, нажал спуск. Выстрел прокатился по долине и разнесся эхом по горам. Ленни дернулся, потом медленно стал заваливаться и упал ничком на песок.

Джордж вздрогнул, глянул на пистолет, потом швырнул его на кучу золы.

На поляне послышались крики и топот бегущих ног. Раздался окрик Рослого:

— Джордж? Ты где, Джордж?

Джордж недвижно сидел на берегу и глядел на свою правую руку, которой отшвырнул револьвер. На поляну выбежали люди. Впереди — Кудряш. Он увидел Ленни, лежавшего на песке.

— Готов, — сказал он, подойдя вплотную. Потом поглядел на Ленни, на Джорджа. — Аккурат в затылок, — добавил он тихо.

Подошел и Рослый, сел рядом с Джорджем.

— Что ж, — сказал он. — Бывает, и на такое решиться надобно.

Карлсон стоял тут же.

— Как это ты? — спросил он.

— Очень просто, — ответил устало Джордж.

— У него был мой пистолет?

— Да.

— А ты отобрал пистолет и застрелил его?

— Да. — Джордж говорил почти шепотом. Он поглядел на свою правую руку.

Рослый взял Джорджа за плечо.

— Пойдем, Джордж. Пойдем выпьем чего-нибудь.

Он помог Джорджу встать. Тот не сопротивлялся.

— Выпьем.

Рослый сказал:

— У тебя не было выбора, Джордж. Ей-богу не было. Пошли.

И повел Джорджа по тропе в сторону шоссе.

Кудряш и Карлсон посмотрели им вслед. Карлсон сказал:

— Чего это они сами не свои?

